

ГАЛИНА ДОЛГАЯ

Открой меня!

НЕРЕАЛЬНАЯ ПРОЗА

Галина Долгая
Открой меня!
Нереальная проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202909
ISBN 9785448353024*

Аннотация

Тонка грань между явью и нереальным миром. Сны открывают портал в иное. Видения предсказывают будущее. Артефакты завораживают тайной. Чужой разум исследует душу. Рассказы-размышления, серьезные или веселые, о прошлом или о будущем. Открой книгу, но будь осторожен: за обложкой поджидает тайна!

Содержание

Открой меня!	5
Последний дар	13
Танцуй, Шива, танцуй!	20
Лабиринты	24
Загадка царской усыпальницы	60
Явление Нисабы	75
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Открой меня!
Нереальная проза
Галина Долгая

© Галина Долгая, 2016

ISBN 978-5-4483-5302-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Открой меня!

Одинокий островной замок упирался вершушками башен в тяжелые серые тучи, готовые вот-вот разродиться дождем. Ленц, затаившись на берегу озера за мощными корнями поваленного дерева, казалось, не ощущал холода и пристально следил за замком.

В этот вечерний час все окна на третьем этаже светились. Иногда в них мелькал силуэт мужчины. Ленц разглядел и ряды стеллажей.

«Библиотека! – решил он. – Точно, это и есть та самая библиотека!»

Все сходилось – и одинокий замок, и хозяин, о котором в округе говорят, что он не иначе как слуга дьявола. А все потому, что вот уже многие-многие годы он живет один, редко выезжает за пределы своего замка, а все слуги, которые когда-то работали у него, бесследно исчезли. Так говорят в округе. Но Ленц знает немного больше. И потому он здесь. Дело за малым – проникнуть в замок, попасть в библиотеку и найти ту самую книгу – очень древнюю! – которая когда-то принадлежала его семье.

Ленц встал. Серые тучи превратились в свинцовые. Штрихи молний разрезали их на части и осветили замок, словно парящий в сумраке над озером. Длинные нити дождя, падая с неба, зашипели в воздухе. Ленц накинул капюшон и вер-

нулся к коню, решив действовать безотлагательно.

Гулкий топот копыт по железу навесного моста слился с раскатами грома. Дождь усилился. Ленц спешился перед воротами замка и нетерпеливо дернул за разлохмаченный кусок веревки, торчавший из круглого отверстия. Ждать пришлось долго. И вот, наконец, узкая дверь распахнулась, и на пороге появился молодой человек с зонтом и факелом в руках. Высокий, статный, с гладко зачесанными назад волосами, он молча ждал, когда незваный гость представится и сообщит о цели своего визита.

– Ленц Вогель, путешественник. Непогода застала меня в пути. Не позволите ли переждать у вас?

Ленц опустил капюшон и струи дождя, соскользнув с его пышных волос, потекли по лицу и за шиворот.

Хозяин замка не спешил с приглашением. Он откровенно разглядывал гостя, словно прикидывая, стоит ли впускать его. Но, решив, видимо, что тот не несет никакой опасности, отошел на шаг и кивком предложил войти. Ленц оглянулся на коня.

– Ах, простите, как-то не подумал.

Хозяин обаятельно улыбнулся и исчез в темноте. Через минуту раздался лязг отпираемого запора и одна створка ворот распахнулась.

Ленц прошел внутрь. Во дворе замка было еще темнее, чем за его пределами. Свет факела блуждал по каменным стенам и, когда он затрепетал на приоткрытых дверях како-

го-то сарая, сзади послышался голос:

– Здесь вы можете оставить своего коня. К сожалению, задать ему корма некому, но сено внутри есть.

Ленц признательно кивнул и провел коня в бывшую конюшню. Хозяин замка крикнул вслед:

– Зажгите факел, там слева! Я жду вас в доме, идите на свет!

Все вокруг казалось Ленцу спящим: и двор, и одинокое раскидистое дерево, огороженное невысоким частоколом, и пустые глазницы окон. Все, кроме светящихся окон на третьем этаже и холла, в котором горел камин, а рядом с ним в глубоком потрепанном кресле, сидел хозяин замка.

– Пакостная погода, не правда ли? – не поворачиваясь на скрип открываемой двери, спросил он.

Ленц прошел к камину, оставляя за собой мокрый след; скинул плащ, стряхнул его и разложил на спинке дивана, а сам уселся в свободное кресло, бросив быстрый взгляд на раскрытую книгу в руках молодого человека.

– Да, в такую погоду только и сидеть у камина с интересной книжкой да потягивать горячий пунш.

Хозяин улыбнулся. Закрыв книгу в дорогом инкрустированном переплете и протянул гостю руку:

– Сэм Дигель, рад встрече с человеком, умеющим оценить обстановку. Кстати, у меня прекрасная библиотека, – он постучал холеным ногтем по обложке книги, – если интересуетесь, прошу следовать за мной.

Сэм встал, поняв, что гость заинтересовался. Они поднялись на третий этаж, и Ленц, наконец, увидел то, что искал много лет. В свете десятков горящих свечей таинственно мерцали украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями переплеты старинных книг. Они были аккуратно расставлены на добротных стеллажах, уходящих вглубь библиотеки, занимающей длинный просторный зал.

– Не бойтесь, что я украду что-то из ваших сокровищ? – проводя пальцами по корешкам книг, спросил Ленц.

Сэм рассмеялся.

– Бог с вами, вы не похожи на обычного грабителя, скорее – на ценителя, я вижу это по блеску ваших глаз.

Ленц ответил понимающей улыбкой и вернулся к книгам. Быстрым взглядом он пробежал от одной полки до другой.

– Здесь, я вижу, достаточно редких книг, чтобы потерять сон и забыть о реальном мире, причем надолго...

– О! Не просто надолго, а навсегда, – с задумчивыми нотками в голосе, подтвердил Сэм. Выдержав паузу, он добавил: – Я оставлю вас на некоторое время, если не возражаете, наедине с книгами. Ваша идея с пуншем очень привлекательна, да и на кухне у меня есть все, чтобы приготовить этот замечательный напиток.

Ленц не возражал. Он даже очень был «за». Еще скрипели ступени лестницы под ногами хозяина библиотеки, как Ленц, влекомый неосознанной им силой, устремился в дальний конец зала, где среди стеллажей, стоял простой незамыс-

ловатый шкаф с одинаковыми по цвету, но разными по толщине книгами. Шкаф был заперт. Ленц взял стоявший неподалеку на круглом столе подсвечник и поднес его к стеклянным дверям. На некоторых корочках – красных, сделанных из добротной мягкой кожи, – были золотом выписаны римские цифры, на других имена.

– Двадцать восемь, сорок четыре, восемнадцать, Элеонора Твист, Сэр Стивен Томсон, пятьдесят, восемьдесят один... – Ленц читал вслух, но осекся, прочитав одну из цифр: – семь... Сукин сын! Ничем не брезгует!

Ленц обернулся, прислушиваясь, но лестница молчала, а прямо на него, мерцающая почерневшей бронзовой оковкой, смотрела со стеллажа напротив очень старая книга. На ее потертом черной кожи корешке не было никаких надписей, но Ленц словно слышал зовущий голос: «Открой меня!». Не в силах сопротивляться, он потянул книгу на себя. Она оказалась на удивление легкой, и легкость эта никак не вязалась с объемом. Ленц понял, что нашел то, что искал! Он прижал книгу к груди и вернулся к столу; поставив подсвечник, положил книгу, обложка которой, казалось, подрагивала то ли в живом свете свечей, то ли... Ленц, поддавшись искушению, потянул руку, но раздался стук ставней, язычки огня затрепетали и погасли: ветер, с силой ударив в окно, распахнул его настежь. Ленц импульсивно присел, лишь заметив в слабом свете от дальних свечей впорхнувшую бабочку. Раздался шелест страниц, хлопок резко закрываемой

книги. Ленц услышал, как, сменяя одна другую, закрипели ступени лестницы, и метнулся под стол. В библиотеку вбежал Сэм Дигель. Он шел, наверняка зная, куда, и остановился перед столом, на котором Ленц оставил древний фолиант. Закрыв ставни, Дигель не спеша зажег свечи. Потоптался на месте.

– Что ж, как и должно было быть! – молчание, вздох. – А все же жаль, что ты поторопился, мой дорогой друг, так и не отведав горячего пунша...

Ленц взглянул на отражение в окне. Сэм взял со стола тонкую красную книгу, невесть откуда появившуюся там, повертел ее в руках, всматриваясь в надпись на корешке. Золотые цифры оказались настолько малы, что молодой человек хмыкнул; досадуя, достал увеличительное стекло и прочитал вслух:

– Тринадцать... хм?..

Он сел в кресло, едва не задев носком туфли Ленца, и склонился над новой книжкой.

– Тринадцать... тринадцать... не может быть... – задумчиво произнес он и вдруг вскрикнул: – Что?! Часов?!

Ленц не стал медлить ни секунды. Он выскочил из-под стола, схватил фолиант и кинул Сэму, крикнув: «Держи!»

Тот рефлекторно вытянул руки к летящей через стол книге, но она, не долетев до него, раскрылась и тут же захлопнулась, с шумом упав на стол, на котором, как по мановению волшебной палочки, появилась еще одна красная книжица

с золотым тиснением по мягкому кожаному корешку: «Двести тридцать семь». А Дигель исчез так же, как и бабочка.

Ленц обошел стол, поднял книгу в бронзовом окладе, крепко сжал ее, чтобы ненароком не открылась, достал заранее приготовленный плат и завернул драгоценный фолиант.

Потом взял со стола толстую красную книжку и осторожно раскрыл. Ничего необычного не произошло – легкий ветерок, шелест страниц. Ленц постоял, задумавшись, еще раз взглянул на корешок. Теперь на нем вместо цифр сияло золотом имя: «Семюэл Дигель».

– Мда, книга вместо человека... и даже мотылька. Что ж, спасибо бабочке, не иначе ее послал мой покойный отец...

За ночь, не спеша потягивая пунш, любезно приготовленный бывшим хозяином замка, Ленц одну за другой открыл все красные книги с цифровыми надписями, вбирая в себя годы жизни, указанные на корешках. Прочитав имя очередного донора, Ленц благодарил его и кидал книгу в камин. В прояснившееся небо летели мириады искр, словно прожитые годы тех, чьи имена некоторое время горели золотом на корешках.

Ранним утром из ворот замка выехал всадник. С собой он вез одну единственную книгу из всех раритетов, что хранились в библиотеке... и десятки историй жизни, которые звучали в его голове то детским смехом, то старческим брюзжа-

нием, то легким трепетом невесомых крыльев...

Последний дар

*Не принимай даров от Зевса!
Прометей*

Ветер! Злой, колючий! Подхватил тучи песка и бросил на голые деревья саксаула. Они стонут, но то – отголоски жизни. В осеннюю пору она сосредоточена глубоко под землей. Там шепчутся корни, прорастая все глубже и глубже. Оставив саксаул, ветер завыл, закуролесил – осерчал не на шутку! Как к вожаку стаи, помчались на его зов все ветра и ветерки пустыни; собрались в круг, подняли песчаный смерч и унесли бархан, веками перекатывающийся с места на место.

Огненный закат опалил обнажившееся горлышко крупного сосуда. Песчинки шурша скатывались с его глиняной крышки, с крутого накренившегося бока, испещренного вязью красно-черного орнамента. Удивленный саксаул стряхнул налипший песок на невиданное сокровище, и ночь накрыла пустыню серо-черным хитоном...

Димка бодро шагал по утрамбованной тропе, петляющей между редкими деревьями акаций и саксаула. Весенний день ласкал легким ветерком и добрым светом. Обогнув невысокий бархан, Димка остановился. Прямо перед ним в ажурной

тени саксаула сидел человек. Весь в белом, он безучастно смотрел вдаль. Лица человека Димка не видел, но по вздрогнувшим плечам понял, что тот его почувствовал.

– Здравствуйте, ота¹...

Димка обошел его и, встав поодаль, вытянул голову на длинной юношеской шее, выражая почтение, и, в то же время, пытаясь рассмотреть лицо. Ожидая увидеть почтенного старца, Димка немало удивился. Лицо мужчины было гладким. Аккуратная борода по овалу, черные брови крыльями, горбатый нос и совсем не азиатские глаза – темные, большие, с веками-створками.

– Здравствуй, путник!

В голосе мужчины Димке послышалась сдерживаемая радость. Почему-то от этого мурашки поползли по спине, и захотелось побыстрее уйти. Но человек в белом, словно поняв его, выпростал руку из длинного рукава и театрально возложил ее на горлышко кувшина, торчащее из песка. Это не могло не привлечь внимание.

Димка сглотнул.

– Что это у вас?..

Праздное любопытство – дар далеких предков, доставшийся людям от богов через первую женщину, созданную из земли и воды, – вновь стало началом истории без конца.

По лицу человека в белом пробежала ухмылка. Он соблазнительно огладил керамическую поверхность, испещренную

¹ Ота – с узбекского «отец», уважительное обращение к старшему

красно-черными рисунками, и лукаво пригласил:

– Посмотри сам.

Забыв обо всем на свете, Димка подошел. Станным образом кувшин манил к себе. Широкое горлышко его было плотно закрыто глиняной крышкой. Изгиб горла переходил в выпуклые бока, большая часть которых оказалась под песком. Судя по тому, что Димка видел на поверхности, кувшин был огромный. «Пифос! – всплыло в памяти греческое слово. Так и есть! Вот видна часть ручек, приделанных мастером с четырех сторон. Раскопать...» Димка встал на колени и принялся за работу.

Удивительно, но долго работать не пришлось. Вскоре пифос, высотой с человека, предстал взгляду азартного путника, приехавшего в пустыню отдохнуть пару дней от городской суеты. Но он уже забыл об этом. Теперь его занимала неожиданная находка! Что это? Откуда в азиатской пустыне древнегреческий сосуд? Ответы роились в голове отрывками знаний: македонцы могли оставить, они же были здесь... или не здесь... Какая разница! Были и принесли!

– Ота... – Димка хотел расспросить человека в белом, но его и след простыл. Только свист орла, разорвавший песнь жаворонка, раздался в ответ.

Димка сел на пятки. Но страх быстро улетучился. Любопытство мягкой лапкой повернуло голову обратно к пифосу. Что с ним делать? Как унести? Не оставлять же такое сокровище в пустыне?! Димка поставил пифос на днище. Не от-

пуская ручки, замер на месте, пытаюсь представить, что там внутри.

Среди ясного дня налетел ветер. Небо почернело. Слоистые облака сорвались с него и затеяли бешеную пляску. Прижимаясь к горячему боку пифоса, Димка закрыл глаза, спасая их от поднявшегося песка. Но и сквозь веки он видел такое, от чего сердце замирало, срывалось в сумасшедший бег, останавливалось и снова ударяло по груди, словно стремясь выпрыгнуть из нее и спрятаться где-то понадежней.

...Звон мечей. Искаженные болью лица. Растерзанные женщины. Окровавленные младенцы. Треск автоматов. Вой сирен. Лязг гусениц. Глухой удар и гигантский гриб над миром. Разверзнутая земля. Столбы пламени из всех расщелин. Огненные реки, стекающие с гор. Горящие леса. Моря, поглощающие города.

Предательство, ложь, скорбь, страх, гнев, злоба, обман, насилие, осквернение...

Крик отчаяния разорвал черные небеса. Димка сел, не в силах стоять. Его бил озноб, пот лился в три ручья, мысли путались. Ящик Пандоры! В нем, в этом пифосе – все несчастья и беды! В нем? Но... ведь «всеми одаренная» дева открыла тот ящик?.. Тот? Ящик?..

Димка лихорадочно вспоминал все, что когда-то учил в школе. Да, она открыла его! И не ящик вовсе, а этот пи-

фос! И что дальше? А дальше... Димка вспомнил! Она его только приоткрыла! И потом захлопнула крышку. Но этого хватило, чтобы дары Зевса выплеснулись на землю и принялись за свое пагубное дело. Дары! Коварен Зевс! Отомстил ненавистному Прометею за помощь людям, послав им все несчастья мира!

Димка шмыгнул носом, вытер щеку, по которой серыми ручейками расползлись слезы. Пифос стоял перед ним загадкой, страшной тайной. Осталось ли в нем что-то? Зачем он здесь? Что это – искушение, чтобы вновь добавить порцию страха в жизнь людей, или помощь? Предстоит ли ему продолжить дело Пандоры или... или ее дочери – Пирры? Пирра – надежда! Она была праведной, ее с мужем Девкалионом спас Прометей от потопа. Пирра и Девкалион возродили людской род после него. Пифос надо открыть вновь! Ведь по легенде на его дне осталась надежда. Надежда! Да, она нужна людям! Да!

Димка попробовал подцепить крышку, но она не поддавалась. Неудобно открывать такой высокий сосуд. Надо его положить. Он осторожно наклонил пифос, уложил на бок. Керамический кувшин оказался слишком легким для такого размера. Димка удивился, но значения не придавал. Сейчас одна мысль занимала его: дать людям надежду! Он потрогал крышку по всему краю. Попробовал расковырять ногтями. Ничего! Сидит намертво! Димка тоже сел рядом. Что делать? Шальная мысль обожгла сердце: разбить! В нем боль-

ше ничего нет, кроме надежды! Разбить и дело с концом!

Он пнул красноватый бок. Пифос чуть качнулся. Так, будто в нем, на самом дне, была вода. Димка удивился. Не тому, что кувшин не разбивается, а тому странному бултыханию. Надежда в виде воды? Если разбить, то она уйдет в песок. А что с ней в принципе делать? Выпить? Отнести куда-то к людям?.. И что? Распылить, облить, помазать? Бред! В сердцах Димка испинал пифос, но так и не добился ничего.

День заканчивался. Солнечные лучи скользили по пустыне, окропляя пески и саксаул плюхами янтарного желе.

– Ди-и-ма-а-а! – знакомый голос раздался невдалеке.

Надя! Боже, как он забыл о ней! Она же осталась в лагере!

– На-а-дя-я-я! Я где-е-есь!

Девушка прибежала на зов.

– Что с тобой, Димка?

Растерянный вид друга, заплаканное лицо удивили Надю.

Но тут же ее внимание привлек огромный кувшин.

– Что это такое? – она подошла к пифосу, обошла его, рассматривая узоры на боках, на горлышке. – Ты нашел? – заглянула в горлышко. – А что там?

Димка не успел ответить, как Надежда щелкнула пальчиком по крышке, и та упала... Белая струйка пара хвостиком выползла из горлышка. Нежданный порыв ветра подхватил ее и унес, рассеивая по пустыне.

Надя... Надежда...

– Надя, – в сердце Димки появилась надежда, – я...я...

Надежда лукаво улыбнулась.

Беженцы сели в лодки – доплывем... Мать оставила младенца – кто-нибудь подберет... Старуха ступила на проезжую часть – успею... Надейтесь люди, и все будет хорошо! Надейтесь, люди! Надежда – ваша опора! Надежда – ваше спасение! Надежда – дар богов вместе со всем остальным, что стало частью мира благодаря Пандоре... Надежда! Легкая, беззаботная надежда... Последний из даров Зевса!

Танцуй, Шива, танцуй!

– Это уникальное изображение бога Шивы²! – остановившись у входа в пещерный храм, гид показал на старинный барельеф высотой с человека. – Везде у Космического Танцора четыре руки, а здесь – восемнадцать!

Я хмыкнула.

– Я видела и с восемью. Станный у вас бог какой-то... Сколько же у него рук на самом деле?

«Две...» – тихий шепот раздался в моей голове.

Я пригнулась от неожиданности, что не ускользнуло от гида, который принял мое движение за попытку повторить одну из поз Шивы.

– Шива – особенный бог в индуистском пантеоне богов. Его называют Разрушителем, Космическим Танцором, Повелителем Времени. Смотрите!

Гид легко забрался на приступок и встал сбоку от барельефа, копируя движение, в котором застыл Космический Танцор: присел на правой ноге, левую поставил на носок, правую руку он поднял, так же как Шива, сжав в кулаке вообра-

² Шива – один из верховных богов ведического индуизма, входящий вместе с Брахмой и Вишну в божественную триаду (Тримурти), где он выступает как бог-разрушитель. Шива разрушает все старое, отжившее, создавая при этом новый мир, новую Вселенную. Танцуя, он создает вихрь времени, уравнивает рождение и смерть, разрушение и созидание.

жаемый барабанчик в форме песочных часов, а левую завел вперед, расслабив и опустив кисть.

– Похоже, – я щелкнула фотоаппаратом.

Гид тут же изобразил другую позу, изменив положение рук. Теперь одна из них, обращенная ладонью ко мне, словно останавливала от неверного шага, а вторая поднялась, как та, которой Шива сжимал трезубец.

– Видите! Каждая пара рук создает свое движение, содержащее глубокий смысл. В индийском искусстве нет случайных элементов – каждый изображенный предмет что-то значит. Крест, лепесток цветка или...

«Или взгляд...» – шепнул невидимый слушатель лично мне.

Я подошла ближе к барельефу, стараясь не подавать виду, что испугана странным звучанием чужой мысли в моей голове. Выражение лица Шивы, искусно вырезанное древним мастером в красно-коричневом камне, никак не отражало игривости его танцевальных поз. Казалось, что Бог Времени смотрит мне прямо в глаза и даже глубже. Я отвела взгляд.

Гид уже спустился и встал рядом со мной.

– Скульптор изобразил на этом барельефе восемьдесят одну позу Шивы, – молодой индеец не скрывал своего восхищения. – Не хотите тоже попробовать? – предложил он. – А я вас сфотографирую.

Я пожала плечами. Почему бы нет?.. Приглядевшись к скульптуре, я запомнила несколько поз, и тоже с легкостью

забравшись на узкий карниз перед барельефом, встала рядом.

Присев, как Шива, я расправила руки и вдруг почувствовала особенную легкость в теле. Казалось, ветер подхватил меня под руки, и я воспарила над землей. В груди замер восторг, но мысли мои оставались серьезными, и лицо застыло в напряженной маске. Но мои руки!.. Я танцевала, с неопостижимой скоростью меняя положение рук, и каждый раз при этом перед моим взором на какое-то краткое мгновение возникала мимолетная картина окружающего мира. Я видела прошлое человечества, его настоящее и будущее. Я видела разных людей, животных, растения, горы и океаны. И я слышала шепот – тот тихий и твердый голос, рассказывающий мне о времени, о его изменчивости и быстротечности.

Когда я закончила танец, то осознала, что стою рядом с разрушенной временем скульптурой, раскинув руки, а пальцы мои сложены в мудры. Гид смотрит на меня, забыв, как изваяние. Я шевельнулась. Индиец, словно, стряхнув с головы невидимое покрывало, встрепенулся и продолжил экскурсию.

Вечером, сбросив все фото дня на ноутбук, я с удовольствием рассматривала свои фотографии. Вот небольшой, но весь украшенный фигурками богов и нимф, старинный индуистский храм. Вот яркие кусты цветущих олеандров вокруг священного озера. Вот семейка мартышек, с интересом поглядывающая в камеру. Вот мой гид, изображающий

Шиву. Вот я... Не может быть! Я прильнула к экрану монитора. На фоне красно-коричневой стены храма Шивы я парю в воздухе, раскинув руки. Левая верхняя застыла перед грудью, кисть руки опущена вниз. Остальные – раз, два... десять... семнадцать... двадцать пять! – поднимаются одна за другой в едва заметном движении. Лицо мое серьезно как никогда, а взгляд – взгляд такой, что замирает сердце!

И снова шепот: «Танцуй, Шива, танцуй! Время в движении! Твой танец вечен, как сама жизнь!»

Я выключила компьютер и пошла к морю.

...Тихий рокот волн, шипение песка, лунная дорожка на воде... Я встала на носочки; слегка присев, подняла левую ногу и... взмахнула руками!

Лабиринты

1. Выбор

Несмотря на раннее утро, город на холме встретил путешественника шумом и невероятным оживлением. Меж белоснежных домов по узким улочкам ходили глашатаи в коротких разноцветных плащах и сообщали всем, что Мудрые вышли из пещер. Люди спешно бросали свои дела и целыми семьями бежали на площадь. Странник, перекинув котомку через плечо, направился туда же. Устроившись под навесом харчевни, которая уютно расположилась на краю площади, он заказал себе обильный завтрак и, ожидая его, с интересом наблюдал за жизнью города.

На площади стало многолюдно. Юркие мальчишки заняли все столбы, и с высоты докладывали стоящим внизу о том, что происходит в округе.

– Идут, идут! – одновременно закричали они, и толпа начала расступаться.

Прямо мимо харчевни в живом людском коридоре, не спеша, прошли пять человек. Их лица были закрыты капюшонами серо-белых балахонов, и странник не успел разглядеть никого, но смутная догадка родилась в его голове.

– Это женщины? – спросил он хозяина харчевни.

Невысокий толстенький мужичок с прищуренными гла-

зами и постоянной улыбкой на лице – оттого, видать, что он старался услужить всем и каждому – ответил, расставляя на столе снесь:

– Да! Это мудрые женщины! Они живут в меловых пещерах с другой стороны холма и выходят к нам крайне редко – только в особых случаях.

Странник с пониманием кивнул, принимаясь за похлебку. Отломив кусок еще горячего свежего хлеба, он снова спросил:

– А что сегодня произошло в вашем городе, почему уважаемые дамы покинули свое убежище?

Хозяин харчевни поднял изумленные глаза и с удивлением воскликнул:

– Как?! Вы не знаете, что умер наш король, и теперь пришло время выбрать нового?! – но тут же спохватился. – Ах, да! Вы же только что приплыли и, конечно, ничего не знаете! Я сейчас все расскажу.

Словоохотливый собеседник наклонился ближе и, торопясь, начал рассказ:

– Сегодня ровно месяц, как умер наш король – старый Грэг оставил этот свет и нас, до конца выполнив свой долг. Он был замечательным королем! С ним наш город достиг процветания, да вы и сами видите, – мужичок провел рукой по воздуху, приглашая путешественника восхититься красотой города. – Месяц мы горевали, но сегодня траур окончен и пришло время выбрать нового короля. Для этого и вышли

Мудрые. Они, знаете ли, особенные, эти женщины. И благодаря им, мы всегда выбираем в короли достойного. Так продолжается много-много лет.

В это время голоса на площади смолкли. В возникшей тишине прозвучал звонкий голос глашатая:

– Жители города Весны! Сегодня наступил тот день, когда Мудрые проведут испытание среди тех, кто считает себя достойным стать нашим королем. Немногие из вас помнят, как стал королем почивший в благодати наш умный и справедливый Грэг, – толпа одобрительно загудела, глашатай выдержал паузу и продолжил, – поэтому сейчас Мудрые скажут вам о том, как мы будем выбирать правителя нашего города.

Странник к тому моменту справился с завтраком и, расплатившись с хозяином, спустился к толпе. Он пробрался ближе к центру площади, где на высоком помосте в ряд сидели отшельницы. Теперь их лица были хорошо видны. Женщины не выглядели старыми – к своему удивлению странник не заметил ни одной морщинки на белых, как облака, лицах. Но глаза! Глаза Мудрых словно светились, пронзительные взгляды вызывали невольный трепет.

Первая среди сидящих встала. Ее глубокий и сильный голос прозвучал в полной тишине, отражаясь эхом от стен мраморного дворца, будто парящего невдалеке, как призрачный замок – так легки и совершенны были его формы.

– Жители города! Назовите достойных – тех среди вас, кого вы станете почитать как своего короля и кто, по-вашему,

сможет пройти Лабиринт.

– Что за лабиринт, какой лабиринт? – слышались голоса в толпе.

Мудрая жестом остановила ропот и сказала:

– Лабиринт – это испытание. Его пройдет лишь один. Природа откроет претендентам свои тайные тропы, но только тогда, когда соберутся вместе четыре стихии – земля, огонь, воздух, и вода. Назовите имена четырех, кто явит собой эти стихии.

Гул голосов снова поднялся над площадью. Странник с интересом наблюдал за людьми, шумно обсуждающими меж собой, кого назвать. Тем временем солнце поднялось из-за домов и осветило всех, кто стоял слева от возвышения, на котором сидели Мудрые. Сразу же поднялась вторая из них. Глашатай ударил в гонг.

– Земля! – воскликнула женщина и из ее вытянутой руки тонкой струйкой посыпалась земля.

Из толпы раздался голос:

– Мариус, фермер!

Люди, стоявшие вокруг постамента стали двигаться, освобождая путь фермеру; странника вместе со всеми оттеснили к краю площади. Перед Мудрыми появился почтенный мужчина, одетый в коричневый камзол и просторный берет. Широкие добротные брюки были заправлены в сапоги с высокими голенищами. Размашистым шагом фермер прошел к Мудрым и, поклонившись уважаемым дамам, повернулся

к толпе.

– Есть ли среди вас тот, кто может отвергнуть претендента Мариуса? – спросила Мудрая.

В ответ послышались крики:

– Нет! Достоин! Хороший человек!

Глашатай снова ударил в гонг, утверждая выбор народа. Со вторым ударом встала третья из Мудрых.

– Огонь! – провозгласила она и раскрыла ладонь вытянутой руки.

На ней загорелся маленький язычок пламени.

– Кузнец Брегис! – выбрали люди.

С возгласом всеобщего одобрения кузнец вышел к Мудрым. Стараясь выглядеть степенным, он, нарочито покашливая, поглаживал курчавую бороду. Но странник заметил радость кузнеца, спрятанную в глазах под кустистыми бровями.

Четвертая из Мудрых провозгласила следующую стихию:

– Воздух! – раскрыв ладонь, она дунула на нее.

Звонкий девичий голос опередил всех:

– Молодой лорд Велес!

Толпа загудела:

– Молод еще, рано ему в короли!

– А что с того, что молод? Кто скажет, что не достоин?!

– Пусть идет, сам откажется!

Веселый смех, подхваченный десятками голосов, прокатился по площади.

Красивый юноша, смущаясь, вышел к Мудрым. После элегантного поклона, полного достоинства и уважения, он повернулся к людям. Светлые глаза, нежные и блестящие, как морская гладь, украшали его лицо, крепкий подбородок которого едва тронула редкая щетина. Высокий и статный, Велес с улыбкой смотрел на горожан, покоряя всех юношеской непосредственностью.

Мудрая строгим голосом спросила:

– Есть ли среди вас тот, кто может отвергнуть претендента Велеса?

– Да пусть идет!

– Достоин!

– Молодость – не порок, достоин! – ответили люди, и звон гонга закрепил их решение.

Вслед за следующим ударом глашатая, вперед вышла пятая из Мудрых.

– Вода! – воскликнула она и из собранных в лодочку ладоней пролилась тонкая струйка.

Первым раздался мужской голос:

– Странник, путешественник, прибывший в наш город сегодня ранним утром.

Путешественник узнал в говорящем хозяина харчевни – он стоял неподалеку и показывал на него рукой.

– Как он прибыл к нам? – спросила первая из Мудрых.

– Морем! – ответил хозяин харчевни, и добавил: – Он достойный человек, я с ним разговаривал.

Толпа вновь загудела, и было непонятно – то ли горожане одобряли претендента, то ли возмущались.

– Где сам претендент?

– Пусть выйдет!

– Покажись люду! – потребовали все.

Странник стоял как вкопанный. Он никак не мог осознать, что речь идет о нем. Недоумевая, он пожимал плечами, скользя растерянным взглядом по лицам. Кто-то подтолкнул его сзади, кто-то поддержал словами:

– Не бойся! Наш Грэг тоже был из чужих, а правил как надо! Иди, иди, смелей, чужестранец!

Оказавшись рядом с постаментом, где уже стояли все Мудрые, странник поклонился женщинам, опуская походную сумку и прикладывая правую руку к сердцу, как делали в его краях, приветствуя кого-либо. Повернувшись к народу, он произнес:

– Спасибо вам, добрые люди, за такой прием и доверие, но, я думаю, среди вас найдется кто-то достойней меня.

Старшая из Мудрых спросила его:

– Как твое имя, чужестранец?

– Меня зовут Мерим.

– Есть ли среди вас тот, кто может отвергнуть претендента Мерима? – спросила Мудрая, не обращая внимания на слова странника.

– Мы не знаем его!

– Нет, никто не может отвергнуть его, потому что не зна-

ет! – раздалась голоса.

– Достоин! – крикнул хозяин харчевни.

Не получив отрицательного ответа, Мудрая обратилась к страннику:

– Чужестранец Мерим, ты согласен на испытание?

Странное чувство овладело путешественником. К своим тридцати годам он успел побывать в разных странах, видел много чудес и диковин, но такого испытания своего эго он и не предполагал. Стать королем в совершенно чужом, незнакомом городе, править людьми, которые почему-то решили выбрать его из толпы своих соотечественников... Он понимал, что впереди его ждет что-то необычное, может быть даже – страшное, но интерес ко всему происходящему взял верх, и Мерим ответил:

– Да!

2. Первое испытание

Многочисленные удары в гонг возвестили о том, что выбор сделан. Четыре претендента стояли в ряд внизу постамента, на котором также в ряд стояли Мудрые. Затем женщины спустились и неспешно, как и пришли в город, направились к своим пещерам. Избранники пошли за ними. По пути люди подходили к ним со словами напутствий, с пожеланиями победы и советами. Это были те минуты, когда любой житель города мог говорить все, что хочет, все, что он считает

важным сказать будущему королю.

Так, сопровождаемые толпой, претенденты дошли до тропы, что уходила в сторону от дороги к меловым пещерам. Дальнейший путь жителям города был заказан, и наверх поднялись только Мудрые и четыре избранника.

От белой скалы, что грядой протянулась по вершине холма, открывался великолепный вид на равнину. Море осталось в стороне, но еще слышался шумный говор волн, разбивающихся о каменистый берег. В скале виднелись темные проемы гротов, в которых жили Мудрые. Перед одним из них, на гладкой, мощенной камнем площадке все остановились. Женщины встали полукругом, лицом к скале. Их белые фигуры, освещенные солнцем сзади, казалось, выросли и составили сплошную стену.

– Закройте глаза! – сказала одна из Мудрых, обращаясь к претендентам, которые оказались между скалой женщинами. – Не верьте глазам и ушам, смотрите и слушайте сердцем!

В повисшей тишине остались только звуки природы – шум листвы одинокого дерева, стрекот кузнечиков в травах холма, далекий зов моря. Но вот к этим звукам добавились женские голоса. Мелодия жизни, подхваченная Мудрыми, полилась ввысь и, закружившись с воздушным потоком, опустилась на головы людей, окутав их туманом, за которым растаяла действительность, растворилась песня и исчез холм вместе с городом и загадочными белыми скалами.

Мерим стоял с закрытыми глазами и ждал. Перед его взором мелькали разноцветные блики, приятное тепло согревало лицо. Но что-то удивительное происходило вокруг. Верней, не происходило: мир, казалось, замер, ни один звук не проникал сквозь ватную тяжесть в ушах. Странник открыл глаза и тут же прищурился – солнце ослепило его. Привыкнув к свету, он разглядел зеленую равнину перед собой. Сзади, насколько хватало глаз, виднелись холмы, неровным абрисом обозначив горизонт вдалеке. Чудесным образом исчезли Мудрые, исчезли и фермер, и кузнец, и молодой лорд. Не было никого – полное одиночество. Странник попытался крикнуть, но из горла не вышло ни одного звука, как он ни старался. Страх начал пробираться в сердце, мозг бунтовал. Мерим сел и, обхватив колени руками, попытался успокоиться.

«Я глух и нем! Но я вижу!»

Природа перед ним перестала казаться застывшей, она жила! Вздохнув, Мерим почувствовал запахи – вместе с воздухом в легкие прошел терпкий аромат тимьяна. Осмотревшись вокруг, он заметил несколько примятых кустиков.

«Я чувствую запахи! – обрадовался он. – Я могу думать!»

Последнее открытие обрадовало его больше всего. Обрадовало и успокоило.

«Что ж, все это непривычно, но не страшно. Это, наверное, вход в Лабиринт. Не совсем понятно, что же есть Лабиринт»

ринт на самом деле, но это – начало!»

Странник встал и осмотрелся еще раз. Он понял, что надо действовать, куда-то идти, двигаться, но куда? Пологий спуск манил вниз. Не успев сделать и шага, Мерим остановился, развернулся и пошел вверх, рассуждая:

«Зачем мне вниз? Там я ничего не увижу! Поднимусь на холм и осмотрюсь!»

Он шел легко, поднимаясь по склону большими зигзагами, так, что примятая трава образовала за ним серпантин. Ближе к вершине горы подул ветер. Его порывы усиливались с каждым шагом, и странник вынужден был пригнуться. Он склонил голову к груди, чтобы легче двигаться вперед. Наконец, Мерим выбрался наверх. С высоты холма, далеко внизу, он увидел море. Ему показалось, что на берегу, в том месте, где среди скальных выступов образовалась небольшая песчаная бухта, стоит лодка. Появилось сильное желание побежать к ней, сесть и быстро, насколько это возможно, грести, грести до тех пор, пока не останется никаких сил в руках.

«Как я попал в такую переделку? – задавал себе вопрос Мерим. – Король? Я? А как же моя свобода? Ведь тот, кто правит, ее не имеет вовсе! Хочу ли я этого? Нет!» – кричала душа.

И тут странника оглушил внезапный шум – мощный, резкий. Мерим закрыл уши руками, крепко сжав зубы от боли. Ватную плотину прорвало многоголосье мира: ветер, как оркестр без дирижера, собрал все звуки и, смешав их, за-

выл, оглушая привыкший к тишине мозг. Страннику пришлось повернуться в другую сторону, таким образом, чтобы порывы ветра пролетали мимо ушей, не оглушая. Не опуская рук от головы, он побежал вниз, к скалам, острыми копиями торчащими из тела земли. Укрывшись за большим валуном неподалеку, Мерим сел и осторожно опустил руки. Звуки стали привычней, такими как всегда. В монотонный гул птичьего гомона и пения цикад ворвался шум падающих камней. Опытный путешественник, Мерим догадался, что камни падают от того, что кто-то потревожил их – там, за скалами. Осторожно ступая, он подошел к острым макушкам и, посмотрев вниз, понял, что стоит наверху глубокого узкого каньона. Снова послышался шум падающих камней.

– Есть там кто-нибудь? – тихо спросил путешественник, зная как опасно говорить громко в таких местах. Вибрации голоса, усиленные эхом, могут спровоцировать камнепад.

– Помогите! – раздался голос снизу.

Мерим лег, распластавшись на земле и заглянул вниз, в ущелье. Недалеко от него метрах в трех-четыре, на узенькой каменной полочке стоял фермер, всем телом прижавшись к скале, шаря руками по ее поверхности, стараясь нащупать удобный зацеп. Но камни отрывались, как только он брался за них, и падали, не оставляя человеку никакого шанса на спасение.

– Не шевелитесь! – сказал Мерим. – Я сейчас что-нибудь придумаю, чтобы вас вытащить.

Он отполз подальше от края, встал и, осмотревшись по сторонам, понял, что нет ничего такого, чем он мог бы помочь фермеру. Тогда странник начал раздеваться – он снял почти все вещи, связал их покрепче и с такой веревкой вернулся к пропасти. Устроившись на ее краю так, чтобы не соскользнуть при нагрузке, он бросил один конец веревки вниз.

– Эй! Мариус, – позвал он, – хватайтесь, только не висните, а старайтесь ставить ноги на любые выступы.

В ответ послышалось падение камней, и вдруг веревка резко натянулась, а сам Мерим начал сползать вниз, ощущая голой грудью все шероховатости земли. Он старался зацепиться носками ботинок, упирался локтями, но крепко держал второй конец веревки. Наконец, показалась голова фермера. Его бархатный берет, видимо, упал в пропасть, и непокрытая голова блестела лысиной, обрамленной жидкими прядями волос. Мариус пыхтел и поднимался, перебирая веревку дрожащими руками. В конце концов, он выбрался! Как только его колени коснулись верха скалы, он пополз на четвереньках подальше от края, не обращая внимания на почти голого странника, распластавшегося на земле.

Мерим поднялся, присел; отдышавшись, развязал узлы на одежде. Брюки его порвались, но прочная куртка выдержала нагрузку. Одевшись, странник пошел искать фермера. Тот лежал на спине невдалеке от каньона, на зеленой лужайке.

– Как вы, Мариус? – странник присел неподалеку и, пожевывая стебелек травинки, искоса взглянул на кузнеца.

Мариус, прищурившись, смотрел в небо. Казалось, он не слышал вопроса и не видел ничего вокруг, кроме голубого свода.

– Что ж, не хотите разговаривать, не надо, – Мерим встал. – Я пойду, уже пора и выход найти, что-то затянулась наша игра.

Фермер слишком резко для его возраста вскочил на ноги.

– С чего ты решил, что это игра? Кто позволил тебе спасти меня? Как ты посмел унижить меня? Ты, чужеземец, что ты можешь знать о нас, что согласился стать королем?

Мерим не ожидал такого поворота. Он не сразу нашелся, что ответить. А когда удивление прошло, то слова и вовсе показались бессмысленными. Ведь фермер по-сути ничего и не спрашивал – он обвинял.

– Не знаю, как вы оказались там, – странник показал в сторону каньона, – но я сделал то, что считал нужным. Прощайте!

Он развернулся и пошел вдоль каньона вниз, больше всего желая в этот момент оказаться на берегу моря у той маленькой лодки. Но каньон сворачивал в другую сторону, и прохода через него не было.

Мерим остановился. В другой ситуации он бы восхитился тем видом, который открылся перед ним: гряда красно-коричневых скал уходила вдаль, искривляясь и топорщась ост-

рыми пиками, напоминая хвост гигантского дракона. Где-то глубоко, на самом дне ущелья бежала река – шум стремительной воды достигал слуха, пугая и настораживая. Холодом веяло снизу, холодом, пронизывающим сердце.

Странник решил идти в сторону от каньона, надеясь обогнуть холм с другой стороны и выйти туда, куда манил его пологий спуск в самом начале испытания. Мерим повернулся в тот момент, когда Мариус налетел на него сбоку. Он сбил чужестранца с ног и опрокинул бы в ущелье, если бы ударил в спину. Но странник лишь отлетел в сторону, и на его глазах фермер, не сумев задержаться, упал со скал. Крик отчаянья, усиленный эхом, еще долго звучал в каньоне.

3. Каждому по заслугам

Высокая трава, примятая телом, склонилась, прикрывая его. Черточки теней от зеленых стебельков сплелись на лице в решетчатый узор, созданный солнечным светом. Время неумолимо шло вперед, приближая вечер и конец испытания. Мерим глубоко вздохнул – запахи разнотравья прояснили ум. Странник открыл глаза. Присев, он отвернулся от слепящего солнца. Поведение фермера, его смерть никак не укладывались в сознании. Он так и не понял, за что Мариус возненавидел его.

День пошел на убыль.

«Надо торопиться! – подумал Мерим. – Скоро стемнеет,

а я даже не знаю, как долог путь!»

Он встал и направился вниз по склону. Сделав несколько шагов, странник почувствовал, как земля под ним зашевелилась, и в следующее мгновение он полетел вниз. Все произошло так неожиданно, что Мерим и испугаться не успел.

В подземной пещере, где он оказался, было темно и тихо. Сверху лился дневной свет. Он освещал место приземления, лишь немного разбавляя темноту. Слышался звук капли. Когда глаза привыкли к полумраку, Мерим разглядел причудливые друзы, свисающие с потолка, словно гроздья винограда. Странник хотел было встать, как острая боль пронзила спину. Он замер, но, совладав с собой, повторил попытку, поворачиваясь сначала на бок, а потом уже садясь. К счастью все кости остались целы, спина ныла, но это не мешало двигаться. О том, чтобы выбраться наверх не могло быть и речи – потолок нависал куполом на высоте пяти-шести метров, и Мерим решил поискать другой выход. Он прошел вдоль стен пещеры, ощупывая ее, и нашел несколько узких лазов, ведущих вглубь, в темноту, в неизвестность. Отчаявшись, странник сел у последнего лаза и закрыл глаза. Снова вспомнилось море: тихий шелест волн, одинокая лодка на берегу, свежий, соленый ветер. Защемило сердце – свобода!

«Нет! Я не могу остаться здесь, я должен найти выход к своей свободе, во что бы то ни стало!» – подумал он и попытался сосредоточиться.

Звук капли стал ритмичней, он более отчетливо проби-

вался с противоположной стороны. Мрак перед глазами сначала казался беспросветным, но потом появились цветные блики. Они плавали в омуте сознания, то сливаясь вместе в радужное облако, то рассыпаясь на мелкие шары, похожие на мыльные пузыри, переливающиеся на солнце. Странник встал и, открыв глаза, пошел туда, где слышнее всего была капель – к противоположному краю подземного зала. Нашупав округлый вход бокового ответвления пещеры, он решительно полез в него. Узкий лаз сжал его тело со всех сторон. Мерим упирался локтями и коленями, какими-то немислимыми движениями заставляя себя двигаться вперед. И вот вытянутая рука повисла в воздухе – лаз закончился. Но что дальше? Мерим не знал, и сердце сильнее заколотилось в груди. Справившись с участвующимся дыханием, он выполз из узкого хода до груди, ощупывая руками все пространство вокруг. Предательский страх мурашками пополз по спине оттого, что руки шарили в пустоте, не находя пола или стены. Мерим наполовину висел над пропастью. Вернуться назад он не мог, без опоры для рук протиснуться обратно внутрь лаза нечего и думать! От отчаяния он зарычал. Звук его голоса эхом отозвался в пустоте, подтверждая предположение странника о пространстве куда более широком, чем тот зал, в который он свалился. К эху его голоса присоединился другой. Он шел снизу. Кто-то, находящийся прямо под лазом, взволнованно спрашивал:

– Кто тут? Кто тут есть?

– Я – Мерим, путешественник, а кто вы? – слух висящего над бездной напрягся до предела.

– Кузнец Брегис!

Странник вспомнил лицо пожилого мужчины, довольно ухмыляющегося в бороду там, в городе, когда он вышел к Мудрым. Сейчас его голос не был столь уверенным, но Мерим обрадовался ему, как самому близкому человеку.

– Помогите мне спуститься! Я ничего не вижу!

Брегис поднял руки и, шаря в темноте, соприкоснулся с руками чужестранца.

– Давай, сынок, вылазь, здесь не так уж и высоко, – подбодрил он. – Смелей!

Мерим выполз, и упал бы вниз, но кузнец успел перехватить его под грудь, тогда как странник обнял его за плечи. Оба, не удержав равновесия, повалились на бок.

– Ничего, ничего, садись сюда, поближе к стене.

Снова – тишина, пустота, темень. И теплое плечо человека рядом. Страх прошел, Мерим вновь обрел способность мыслить.

– Брегис, как вы здесь оказались?

Кузнец похлопал его по ноге:

– Наверное, так же как и ты – свалился сверху, когда шел по холму.

– И что вы думаете делать дальше?

– Я жду! Со мной здесь был лорд Велес. Он ушел, велел ждать.

Мерим удивился:

– Вот как! А вы уверены, что он вернется? И куда он ушел? Может и нам стоит пойти туда же?

– Нет, сынок, мы будем ждать! – твердо сказал кузнец. – Лорд – благородный человек. Он найдет выход и вернется.

Мерим не мог усидеть на месте. Он вскочил и поддался вперед, но кузнец ухватил его за руку и с силой вернул назад.

– Там пропасть, бездонная! – Брегис нащупал камень и бросил его вперед – камень ударился о невидимую стену и потом, сколько Мерим не прислушивался, никаких звуков больше не услышал. Но почувствовал холодный порыв ветра из глубины, от которого кровь стыла в жилах.

– Двигаться можно только вдоль стены, и очень осторожно, – сказал Брегис. – Лучше бы ты успокоился и сидел на месте как я. Ждать всегда трудно, сынок, но иногда это – единственное, что нужно делать.

– Спасибо, отец, я буду ждать!

4. Чувства или здравый смысл?

Время под землей имеет свойство растягиваться. Там невозможно определить, что сейчас – день или ночь. Нет привычных звуков, запахов, нет ни света, ни сумрака, а только полный мрак. Внутренний мир людей, казалось, тоже застыл, замер. И только слух вылавливал в пещере самые незначительные шорохи, из которых воображение челове-

ка рисовало пугающие образы, заставляя сердце замирать от страха.

Мужчины потихоньку беседовали, рассказывая друг другу о своей жизни, таким образом коротая время, но ни на мгновение не ослабляя внимания. И вот, послышался шум пробирающегося между камнями человека.

– Велес? Лорд Велес? – с надеждой спросил кузнец.

– Это я, Брегис, я нашел выход, – часто дыша, ответил лорд.

И сразу темнота перестала пугать, появилась уверенность, желание немедленно действовать.

Велес позвал:

– Идите вдоль стены на мой голос, осторожно, не спешите, Брегис. Поможете мне слезть, а то здесь, знаете ли, не развернуться.

– Иду, иду! – повеселев, отозвался кузнец. – А я тут не один! Лабиринт привел к нам и чужестранца! – сообщил он, наощупь двигаясь вдоль стены.

– Приветствую вас, лорд! – отозвался Мерим.

– Что ж, очень хорошо, вдвоем нам легче будет выбраться! – ответил Велес.

Преодолев узкий лаз, мужчины один за другим пробрались в небольшой зал, с потолка которого, как лианы, свисали корни деревьев. Слабый свет лился сверху из бокового проема в стене, словно зарешеченного корнями или ветками растений. Мерим улыбнулся.

– Здесь метра четыре, встав друг другу на плечи и цепляясь за корни, мы сможем вылезти.

Кузнец подошел под самое окошко и, осмотревшись во круг, встал, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Стены пещеры изгибались, создавая вогнутый свод потолка, лезть по ним или даже упираться в них ногами не представлялось возможным.

– Давайте, парни, по очереди лезьте на меня, вы легкие, потом вдвоем меня вытащите.

Не заставляя себя долго ждать, Велес взобрался кузнецу на плечи, ловко, как обезьяна, подтянулся на корнях, немного качнувшись, ухватился за край окошка. Рука сорвалась, вниз осыпалась земля. Велес снова качнулся и на этот раз ухватился за прочные ветки. Крепко держась руками, он, в конце концов, выбрался наружу.

Мерим и Брегис наблюдали за ним снизу, прикрывая руками глаза от осыпающейся земли.

Лорд не сразу вернулся. Снаружи слышался шум падающих камней, какая-то возня. Наконец, в проеме показалось его лицо.

– Мерим, давай! – крикнул Велес.

Кузнец помог страннику взобраться наверх, и присел в сторонке, ожидая свой черед.

Как только Мерим высунулся наружу, яркий свет ослепил его.

– Не спеши, чужестранец, не спеши, – предостерег Велес.

Он стоял на узком выступе, прижавшись всем телом к скале, одной рукой придерживаясь за изогнутый ствол дерева, нависающего над выходом.

Когда Мерим привык к свету, глазам его открылась великолепная панорама. Впереди до самого горизонта блеснула гладь моря, усиливая свет солнца, отражаемый с его поверхности. Скала, на середине которой они с Велесом и находились, круто уходила к морю. О том, чтобы спуститься, нечего было и думать. Каменная стена – ровная, почти без уступов – не оставляла никакой надежды.

Мерим посмотрел вверх. Прямо над ним нависал скальный карниз. Со стороны, где стоял Велес, росло дерево, закрывающее обзор. С другой стороны виднелись кустики трав, украшающие прикрытые землей покатые полки.

– Да, чужестранец, нам один путь – наверх, – показывая пальцем, подтвердил лорд.

– Я вижу только дерево, за которое ты держишься, оно закрывает обзор, но, думаю, нам туда.

Велес подтвердил предположение, согласно кивнув головой.

– Ты попробуй пока вытащить кузнеца, а я пролезу чуть выше, посмотрю, что за карнизом.

Он ловко забрался на тонкий ствол и, пошарив сверху, нашупал два острых выступа. Закрепившись одной рукой, придерживаясь за надежные ветки другой, парень, поднял ногу, подыскивая опору на стене. Когда нога легла на небольшую

выемку, он подтянулся и резко выпрямился, закидывая руку выше. В конце концов, ему удалось забраться на карниз.

Мерим, тем временем, разговаривал с кузнецом.

– Брегис, осмотритесь хорошенько, надо найти самый длинный корень, который вы сможете достать. Придется немного подтянуться. Давайте, у вас сильные руки!

Кузнец отодрал от стены извилистый отросток, нагрузил его, проверяя на прочность, но корень оторвался еще больше, так, что его верхний конец оказался на другой стене, далеко от выхода. Странник наполовину завис над проемом, пытаясь найти корень под руками. Он отдирал какие-то от купола пещеры, но они оказывались очень короткими, для того, чтобы кузнец мог дотянуться до них.

Стало очевидно, что из этой затеи ничего не выйдет. Мерим, отчаявшись, позвал лорда. Велес быстро откликнулся, его голова показалась над карнизом.

– Мы не сможем вытащить Брегиса без хорошей длинной веревки. Я предполагал такое там, внизу, но оставил его, так хотелось вылезти из пещеры, что я бросил пожилого человека, не подумав о нем.

– Не кори себя, Мерим, лучше подумай, какой прок от того, если бы мы все остались там. Мы вернемся за кузнецом, а пока выбирайся сюда. И побыстрее – солнце в зените.

Странник попрощался с кузнецом, обещая ему вернуться, и полез наверх.

Брегис остался один. Он понял, что взялся не за то дело,

и лабиринт это показал. Править жителями Весны должны крепкие, молодые люди. Кузнец не испытывал ни сожаления, ни обиды. Он думал о своих близких – о дочке, которой давно пора замуж, но пока не хватает денег на приданное, о жене, которая отговаривала его от этой затеи.

«Что ж, – думал он, – парни справятся и без меня, они выберутся! Они... Но кто же станет королем? Ведь остаться должен один...»

5. Последнее испытание

Когда Велес и Мерим выбрались на верх скалы, солнце уже закатилось и наступили сумерки.

– Куда теперь? – спросил молодой лорд, с интересом разглядывая странника.

Смуглое лицо Мерима было красиво: густые, черные брови оттеняли гладкий, высокий лоб, над которым крупными кольцами лежали такие же черные, блестящие волосы. Странник рассматривал свою потрепанную одежду. К порванным брюкам прибавилась куртка, рукава которой превратились в лоскутки ткани. Мерим стряхнул пыль с колен и, показывая вниз, ответил:

– Там на берегу, в бухте, стоит лодка. Я ее с самого начала приметил. Предлагаю пойти туда. Назад к холмам мне что-то не хочется.

Велес взглянул по направлению руки странника и согла-

сился:

– Испытание земель и воздухом мы, пожалуй, прошли, остались – вода и огонь.

– Надо же, а я и не думал об этом! – усмехнулся Мерим и пошел за лордом, который уже спускался к бухте.

К лодке парни подошли затемно. Она стояла в песке, недалеко от воды. Весла лежали на дне. Не мешкая, Мерим столкнул лодку в воду.

– Велес! Садись, плывем!

Но Велес не торопился. Он смотрел туда, откуда они спустились, что-то двигалось там, быстро приближаясь. Странник тоже заметил движение и вскоре на склоне холма в свете луны, поднявшейся над ним, обозначились несколько фигур.

– Подождем, это – люди и, кажется, женщины с детьми. И они бегут!

– Может быть, эта лодка принадлежит им? – предположил Мерим.

– Не думаю, – не спуская глаз с бегущих, ответил лорд и закричал: «Смотри!»

На вершине холма на фоне круглой луны появилось нечто, какой-то зверь, большой и бесформенный. Подняв морду, он принюхался и тут же устремился вниз за людьми.

Мерим запрыгнул в лодку, достал весла, вставил их в уключины и приготовился.

Женщины бежали, все время оглядываясь и подгоняя детей, самому старшему из которых было едва больше шести.

– Быстрей, быстрей, прыгайте в лодку! – встретил их Велес, подхватывая одного из малышей на руки.

Посадив его в лодку, он, одного за другим, загрузил туда еще троих детей и помог женщинам, удерживая корму с другой стороны, чтобы лодка не перевернулась. Небольшое судно глубоко осело, едва не черпая краями воду.

Мерим начал грести, поторапливая:

– Велес, запрыгивай, быстрей!

Но лорд стоял в воде, не двигаясь. Странник опешил. Он понял лорда, но не мог принять это. Зверь приближался. Уже можно было хорошо рассмотреть его. Медведь-исполин, скатившись на песок, встал на задние лапы и грозно рыча, пошел на лорда.

– Велес! – кричал Мерим. – В воду, беги в воду, плыви!

Велес оглянулся. Лодка отплыла на безопасное расстояние, вряд ли медведь осмелится плыть за ними. Тогда он развернулся и побежал, высоко поднимая ноги из воды, пока не погрузился достаточно глубоко, чтобы плыть. Лорд греб изо всех сил, направляясь к скалам. С берега слышался грозный рык зверя, который прыгал у воды, шлепая по ней передними лапами, пугая людей.

Мерим вывел лодку из бухты и повернул вправо. Обогнув скалы подальше от берега, он направил лодку к огням, мелькавшим на берегу. Женщины рассказали, что они гуляли и заблудились, удалившись от своего селения. Уже в сумерках они набрали на зверя. Единственным спасением им

показалось море. Вот они и бежали к нему.

– А если бы не было лодки? – спросил Мерим, поглядывая на белокурого мальчугана, примостившегося на коленях матери.

Женщина покачала головой:

– Не знаю.

Мужчины небольшого поселка, что расположился на склоне холма, спускающегося прямо в море каменными осыпями, искали пропавших и на берегу, и за холмом. Услышав крики со стороны моря, они побежали к воде с горящими факелами в руках. Когда лодка причалила, детишки выпрыгнули прямо в воду; с воодушевлением, на какое способны только дети, они рассказали взрослым о своем приключении. Мерим наблюдал за радостью селян, не торопясь вытаскивать лодку из воды.

– Будьте нашим гостем! – пригласил его пожилой человек, видимо, старейшина села.

– Спасибо, но там остался мой товарищ, – ответил Мерим, – я должен вернуться за ним сейчас же.

Старейшина предложил дожидаться утра, но странник настаивал, и тогда два парня с факелами сели к нему в лодку и вскоре они вернулись к той бухте, где остался Велес.

Лорд еще издали увидел огни на воде. Когда лодка подплыла ближе, он встал и, махая руками, закричал:

– Мерим! Я здесь!

Велес сидел на скале, которая торчала прямо из воды, метрах в пяти от берега, по которому ходил озлобленный зверь, не в силах достать добычу. Выходить на берег было опасно, и тогда Велес нырнул в воду и поплыл к лодке.

Велес и Мерим остались одни у костра. Благодарные жители селения приняли их как почетных гостей, накормив простой, но сытной едой и выделив отдельную хижину. Утром они обещали отправиться за кузнецом, которому пришлось ночевать в пещере.

Странник подбросил дров в огонь. Сухая ветка затрещала, разгораясь, источая смолу, шипящую в пламени.

– Вот и огонь! – сказал в раздумье Велес. – Похоже, нам уже не разойтись. Так как же нам закончить испытание, как выйти из лабиринта?

Мерим толкнул носком ботинка прогоревшую ветку – ввысь полетели искры. Они поднимались светящимся роем и падали, гаснув одна за другой в воздухе.

– Не знаю, – ответил он лорду, – возможно, уже все пройдено, осталось дожидаться, когда вытащим кузнеца и все. Может быть, мы прошли испытание огнем.

Лорд заинтересованно посмотрел на странника. В глазах Мерима отражалось пламя костра – то разгорающегося, алчно пожирающего сухие ветки, то гаснущего, мелькающего отдельными язычками на угольках.

– Огонь сердец, понимаешь? – спросил Мерим.

Велес кивнул:

– Ты, странник – поэт! Хотя, возможно ты и прав. Что ж, утро вечера мудренее! Пойдем спать. Завтра все станет ясно.

Огонь притих вместе со всем селом, затаившись в золе до утра, когда женщина, встав раньше всех, подойдет к кострищу и раздует пламя, чтобы согреть еду, вскипятить чай. Огонь никогда не оставляет людей, он всегда с ними – в костре ли рядом с хижинкой, в камине огромного зала дворца или в благородном сердце искателя приключений.

6. Да здравствует король!

Мерим очнулся, но не торопился открыть глаза. Он чувствовал на лице солнечное тепло. И запахи! Вместо терпкого аромата трав и морской свежести он ощущал запахи пыли, готовящейся еды; только легкий аромат цветущих яблонь напоминал о природе.

Город... город? В это трудно было поверить, но его окружали запахи города.

– Что господин желает заказать на завтрак? – в голосе спрашивающего слышались нотки услужливости.

Мерим открыл глаза. Перед ним, склонив голову набок, как бы придвигая ухо поближе, чтобы не упустить ни слова, стоял хозяин харчевни. По площади, что виднелась за его спиной, шли люди, каждый по своим делам – молочник с бидонами зазывал покупателей, важные господа в просторных

фетровых беретах, украшенных пышными перьями, обсуждали насущные проблемы, мальчишки бежали в школу.

– А где постамент и Мудрые? – спросил Мерим улыбающегося хозяина харчевни.

Тот удивился, заморгал глазами и вдруг... подмигнул. Но ничего не ответил. Вместо ответа он принес страннику завтрак: свежий хлеб, масло, сыр и большую чашку крепкого сладкого чая.

– Приятного аппетита! Прошу вас, отведайте, все самое свежее. Что ж на голодный желудок-то разговаривать?! Никак беседа не пойдет! Кушайте, кушайте! – он подвинул тарелку поближе и отошел.

Когда странник управился с завтраком, хозяин харчевни присел к нему за стол.

– Город живет своей привычной жизнью, – философски заметил он. – Важно, чтобы все занимались своими делами. Вот я, например, встречаю приезжающих к нам, угощаю, надеюсь, вкусно?

– Спасибо, очень вкусно! – поблагодарил Мерим.

Он не задавал вопросов, понимая, что хозяин харчевни сам расскажет ему о том, что он хочет услышать.

– Сегодня отплыл корабль, – махнув рукой в сторону пристани, сказал радушный хозяин. – Фермер Мариус решил покинуть наш город вместе с семьей. А жаль, хорошее у него было хозяйство, с соседями жили дружно, но... чужая душа – потемки! Кто знает, о чем мечтал он все годы!

– А король? – Мерим боялся спросить прямо, как-то загадочно все было, словно во сне, который продолжался наяву.

– Король? А что – король? С ним все хорошо! Он позволил Мариусу следовать зову своего сердца. В нашем городе много хороших людей, и фермеры есть, не пропадем.

Хозяин харчевни испытующе посмотрел на странника, в его прищуренных глазах светилась улыбка. Но он не торопился с рассказом. Мерим, слушая добродушного горожанина, наблюдал за площадью. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что должно еще что-то произойти.

В это время из боковой улочки вышел глашатай в сопровождении двух стражников и барабанщика. Люди оторвались от своих дел и подались на площадь. Звук барабана привлек внимание и тех, кто находился в домах – почти все окна запестрели яркими головными уборами женщин и камзолами мужчин.

– Пойду и я послушаю, что скажет глашатай! – сказал Мерим, быстро вставая из-за стола и на ходу расплачиваясь с хозяином харчевни.

– Иди, иди, чужестранец! – ответил мужчина, пряча в карман монеты и провожая его взглядом. – Там ты получишь ответы на все вопросы, которые тебя волнуют.

Последних слов Мерим не услышал, он почти подбежал к толпе и, встав в гуще народа, внимал словам глашатая, читающего королевский указ. В нем говорилось о том, что король устраивает большой пир для всех горожан по случаю

своего дня рождения. Толпа одобрительно загудела и с последними звуками барабана начала расходиться. Мерим так и не услышал имени короля, и стоял в раздумье, не зная, что делать дальше. К нему подошли стражники, и глашатай сказал, что король хочет видеть чужестранца Мерима и, если тому угодно, он может прямо сейчас пойти с ними. Странник обрадовался – он надеялся, что теперь все прояснится, и он узнает конец истории и имя короля.

В большой зале дворца стоял трон. Сделанный из монолитного куска неизвестного черного минерала, он удивлял лаконичностью формы и изысканностью украшений: на сиденье лежал яркий ковер с пушистым ворсом, а на спинке сияли крупные драгоценные камни трех цветов – красного, синего и зеленого. Трон был пуст, как и зал, в котором эхом отзывались шаги. Мерима пригласили в одну из комнат, выходящих из зала. Дверь в нее была немного приоткрыта. Когда он вошел туда, ее закрыли. В открытое окно, на котором колыхались светлые легкие занавеси, лился солнечный свет. Спиной к Мериму стоял человек, по богатой одежде которого Мерим понял, что это король.

– Приветствую тебя, чужестранец! – король обернулся, и Мерим узнал Велеса.

Он улыбался страннику и, заметив его смущение, подошел и пригласил присесть в кресло у невысокого столика, на котором в ажурной бронзовой вазе лежали красивые фрукты.

– Здравствуйте, Ваше Величество! – ответил Мерим, почтительно опуская голову. – Я рад видеть вас здесь в добром здравии.

Король первым сел в кресло, Мерим последовал его примеру.

– Я тоже рад, дорогой друг! Не ошибусь, если скажу, что вам хочется узнать, как все произошло после того, как мы с вами заснули в хижине гостеприимного селения.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Я знаю, что вы проснулись в харчевне служителя Мудрых. Да, да! Не удивляйтесь. Он – особенный человек. Теперь я это знаю. Он – проводник, через него мы поддерживаем связь с теми женщинами из пещер.

– Это многое объясняет, – отметил Мерим.

– Да, из того, что можно объяснить, – как бы про себя сказал Велес и, потом уже, обращаясь к страннику. – Я проснулся во дворце, что и явилось ответом на один из вопросов. Но это не значит, что только я прошел испытание. Вы тоже с честью выдержали его. Я до последнего думал, что королем станете вы, Мерим. И задал такой вопрос Мудрым. Они стояли вокруг моей кровати, когда я открыл глаза: «Почему я, а не Мерим?»

Они ответили, что больше всего на свете вы цените свободу. А власть – обязанность, и тот, кто правит не принадлежит себе. Вот так, мой друг!

– А Брегис, кузнец, что с ним? – спросил Мерим.

– Брегис проснулся в своем доме. С ним все хорошо. Несмотря на то, что в его желании стать королем были корыстные мотивы, он оказался мудрым человеком, правильным, в отличие от Мариуса, за что тот изгнан из города.

– А разве он не сам принял решение покинуть город? А его семья? – воскликнул странник.

Король встал и подошел к окну.

– Мы всегда в ответе за свои поступки, дорогой Мерим. И фермер знал, что, согласившись на испытание, он или станет королем, или ему придется покинуть город. Так было всегда. А семья сама выбирает – пойти за мужем и отцом или остаться. Они сделали свой выбор. Но жителям города неизвестны истинные действия фермера, незачем ставить клеймо на весь его род. Поэтому все думают, что он сам решил изменить свою жизнь.

– А как с Брегисом? Он тоже должен покинуть город?

Пожилой кузнец пришелся по душе Мериму, он полюбил его как отца и готов был защищать даже от короля.

– Нет, Брегис останется. Мудрые позволили ему самому принять решение – как жить дальше.

Велес повернулся к страннику.

– Я тоже полюбил его как отца, – мягко сказал он, словно читая мысли Мерима, – и поэтому попросил у Мудрых изменить правила, позволить кузнецу жить и работать в городе. Он хороший человек, и то, что нужда толкнула его на такой шаг, виноваты и мы – горожане. Я постараюсь, чтобы за годы

моего правления, все жители города имели достойное существование, поверьте, Мерим, я очень постараюсь. Что же касается вас, то вы – вольны, как ветер! Вы – путешественник, думаю, что дорога уже манит вас.

– Морской простор, Ваше Величество, я мечтаю о море!

– Что ж, тогда – попутного ветра, мой друг! И я хочу, чтобы вы знали – здесь вам всегда будут рады!

Велес подошел к страннику и пожал ему руку.

– Спасибо, – Мерим поклонился, – у меня остался еще вопрос, Ваше Величество, позвольте?

– Слушаю вас, Мерим, спрашивайте.

– Лабиринт! Почему испытание назвали «Лабиринт»? Мы блуждали по холмам и пещерам, преодолевали скалы и море...

– И бродили в глубинах своего сознания! – добавил король. – Во все время наших приключений мы находились у пещер Мудрых, никуда не уходя. Мы преодолевали препятствия, созданные в воображении нашего сознания, пересекаясь друг с другом с помощью дара Мудрых. Они вели нас по тайникам наших чувств, по лабиринту нашего хранилища мудрости. Там нет места лукавству – все показывается таким, как есть. То есть мы были сами собой. Именно поэтому я с открытым сердцем могу пожалить вашу руку, и именно поэтому вы, как и все другие, кто претендовал на трон, должны покинуть город. Вы знаете короля лучше всех, не считая Мудрых! Но король – это тайна для подданных, человек, ко-

торому они доверяют свою жизнь без оглядки. Брегис дал клятву молчания. Я ему верю. А Мудрые будут наблюдать. Так они решили. Всегда что-то меняется. Уж и не знаю – к счастью или нет, но жизнь никогда не стоит на месте! А теперь – прощайте!

Мерим поклонился и вышел. Впереди ждала свобода, которая в его сознании имела образ одинокой лодки на берегу – одинокой лодки в маленькой песчаной бухте среди скал, недалеко от чудесного города Весна, где Мудрые открывают лабиринты сознания, помогая человеку понять его собственную суть.

Загадка царской усыпальницы

*Пока он не умрёт, я не взгляну на него глазами
жизни!*

(из шумерского гимна богине Нинхурсаг)

Восход солнца в пустыне ожидают в тишине. Даже ветер прячется в кустах полыни в те самые последние моменты, когда рассвет – предвестник наступающего дня – меркнет, и первый луч солнца пронзает небо.

Именно в это мгновение Александр Матвеевич почувствовал укол в ступню. Нет, он не наступил на колючку! Это ощущение, знакомое ему за многие годы работы на раскопках в песках Туркмении, походило больше на онемение, когда к затекшему месту вдруг устремляется поток крови, торопясь оросить жизнью каждую клеточку тела.

Здесь! Довольная улыбка освежила задумчивое лицо. Александр Матвеевич прочертил крест на такыре. Кто из рабочих наблюдал за ним в эти утренние часы, понял, что начальник нашел что-то важное – новое место, где уже сегодня они начнут снимать верхний слой сухой глины. Но до того часа, когда тайны древних вновь увидят свет, пройдет немало времени. День за днем археологи будут углубляться в тело пустыни, только им известными приметами отличая просто глину от той, к которой прикасались руки людей в давние

времена. И так до тех пор, пока не обнажатся стены дома или гробницы, пока не появятся потресканные бока старых кувшинов или чудом сохранившиеся кусочки каменной мозаики, некогда украшающей стены древних сооружений.

То, что своим удивительным чутьем в это утро нашел Александр Матвеевич, оказалось гробницей: останки жертвенных животных, богатые дары богам загробного мира и пожелтевшие от времени кости того, для кого было сооружено это подобие дворца...

– Кто это, как думаешь? – кисточка мягко скользила по черепу, сметая пыль с золотого обода, окольцевавшего его.

– Царь, жрец, – предположила Сима, пристраиваясь рядом с учителем. Он сидел прямо на глине, опираясь грудью и локтями о возвышение усыпальницы, так, что его сосредоточенное лицо находилось напротив пустых глазниц черепа.

– А это одно и то же! Верховный жрец – он же царь!

Сима поджала губы, пряча за мимикой досаду. Вечно она ляпнет что-то невразумительное!

– Ну, что замолчала? Откровение услышала? – Александр Матвеевич словно видел затылком. Что ж удивляться, если он босыми ногами находит сокровища!

Сима покашляла.

– Песок в горло попал. Что-то ветер поднялся. Как бы бурю не принес...

– А, и принесет, что с того? Сиди себе, работай...

Вдруг Александр Матвеевич резко отдернул руку и сам отшатнулся от ложа усопшего, будто кто пощекотал его. Сима встала и глянула через плечо. Показалось? Нет, не может такого быть...

Голова царя повернулась. Черные глазницы уставились в глаза. Сима почувствовала взгляд. Инстинктивно положив руку на плечо Александра Матвеевича, она сжала его.

– Вылазь...

– Ч-ч-что?

– Беги отсюда.

Сима дрожала, ноги налились свинцом. Скелет на их глазах поднимался, крутя черепом и стряхивая пыль с костяшек кисти. Несмотря на возраст, Александр Матвеевич лихо выпрыгнул из раскопа, успев при этом вытолкнуть наверх и свою ученицу. Рабочие, расчищавшие грунт вокруг усыпальницы, удивленно уставились на них.

– Брысь отсюда! – рявкнул начальник и в это время над старыми стенами появилась макушка черепа раскопанного царя-жреца, блестя на солнце гладким затылком и сползшей набекрень полоской золотого обода.

Второй раз повторять не пришлось. С криками «шайтан» рабочие разбежались кто куда.

Битый час скелет бродил по своей усыпальнице, бормоча что-то под нос, останавливаясь перед нишами в сте-

нах, заглядывая в пустые хумы³. Вылезать он не собирался. Даже не пытался. Загадка... Александр Матвеевич пристроился на горке выкопанной земли и молча наблюдал за раскопанным чудом. Скелет изредка поднимал голову и смотрел на археолога, и, казалось, взгляды их встречались. Александр Матвеевич передергивал плечами, часто моргал и снова сосредоточенно разглядывал ожившего царя. А тот, словно вспомнив что-то, снова беспокойно бродил по пустой усыпальнице, переходя из комнаты в комнату. В одной из них лежал еще один скелет. Его только начали очищать от глины и песка. Миру пока что явилась левая лицевая часть черепа, дуга тазобедренного сустава и... пожалуй, все! Разве что ребра уже угадывались под оставшимся на них слоем земли.

Скелет долго стоял перед смертным ложем. Он знал того, кто там лежал! Александр Матвеевич не сомневался в этом, как и в том, что обоим скелетам не меньше четырех тысяч лет. А вот то, что один из них ходит и издает звуки невесть чем, не укладывалось ни в какие рамки! Он говорит! Вот бы расспросить... Старого археолога больше занимало не то, что царь без плоти ожил, а то, что он бормочет и что ищет. А то, что он что-то ищет, было ясно, как день!

– Сима, – не спуская глаз со своей гуляющей находки, позвал Александр Матвеевич, точно зная, что любопытная помощница где-то рядом. И он не ошибся! Слева, из-за холма,

³ Хум – большой кувшин

на котором он сидел, хрипло прозвучал ее голос:

– Что?..

– Бери машину, поезжай в город. Из-под земли достань мне лингвиста! Язык, предположительно, шумерский, аккадский. Поняла?

Сима кивнула, но тут же опомнилась и заговорщически угукнула.

– Стой!

Скелет, как раз направлявшийся к колеснице, которая в разваленном виде лежала в основном зале усыпальницы вместе с останками коней, верблюда и людей, застыл и медленно повернул голову на голос.

Сима замерла. Александр Матвеевич понял, что тон, которым произносится приказание, царю прошлого понятен. Можно попробовать поговорить, но сначала эту вездесущую девчонку отправить.

– Сима, ты еще здесь?

– Здесь.

– Дуй в город! Ко мне пришли кого-нибудь, пусть будут рядом, мало ли что...

Повторять не пришлось. Симу на самом деле как ветром сдуло. А скелет подошел к краю усыпальницы и устался на восседавшего на холме человека. В выражении лицевых костей черепа ощущался прищур несуществующих глаз... Мурашки пробежали по коже выдавшего виды археолога. Но он дернул плечами, словно сбрасывая наваждение,

и встал.

– Кто ты? – важно спросил он.

Сухой ветер потеревил штанины его пыльных брюк и наполовину закатанные рукава любимой клетчатой рубахи. Александр Матвеевич отдернул ее полы и гордо приподнял подбородок. Чем не царь? Скелет, видимо, его так и понял.

– Эном юм⁴? – таким же важным голосом спросил он.

– Та-а-ак... Что же тебе сказать?.. – в голове всплыли разные слова, некогда прочитанные в статьях лингвистов об особенностях аккадского языка. – Мен – Шаррум кен!⁵ – соединив слова из разных языков, уверенно ответил Александр Матвеевич.

Царь-скелет недоверчиво отступил на шаг и оценивающим взглядом окинул всю фигуру новоявленного царя.

– Аи! Арка Шаррам раби!⁶ – металл прозвучал в голосе воскресшего.

– Ясно, гневается. Ладно, посидим, подождем, пока Сима вернется. Посмотрим, что дальше делать будешь.

Скелет разбушевался. Он бегал по своей гробнице, сметая все, что можно сдвинуть с места. Наконец, он остановился перед еще не раскопанным до конца входом в усыпальницу. Как и в других подобных, вход был заложен кирпичами еще древними строителями. Видимо, не только заложен, но и за-

⁴ Эном юм – произвольно собранные слова аккадского языка: Жрец мой?

⁵ Мен – я (туркменский), Шаррум кен – Царь истинный (аккадский)

⁶ Аи – восклицание, вроде «ах», Арка Шаррум раби – Я – царь великий (акк)

говорен. Царь попытался толкнуть кладку, но неведомая сила отбросила его на пару метров. Если бы кто из археологов или рабочих кинул скелет на такое расстояние, то костей его было бы не собрать! А тут они сами собрались, выстроились в руки, ноги, позвоночник и царь из прошлого встал, как ни в чем не бывало.

– Чудеса! – Александр Матвеевич искренне восхитился.

Скелет, одарив его еще одним презрительным взглядом, вернулся на свое ложе и прилег на бок, подперев кость-щеку кистью, сложенной в кулак.

– Привык лежать на боку за тысячи лет, – пожалел его археолог.

Время неумолимо шагало по земле солнечными лучами. Если прищуриться и посмотреть на солнце, то оно становилось похожим на желтого ежа, ошетилившегося всеми иглами. Иглы росли с каждым часом и, в конце концов, вонзались в землю. Чем больше их падало с неба, тем жарче становился воздух. Обычно часам к одиннадцати работа на городище прекращалась и все разбредалось по домам и навесам, прячась в тени от палящего солнца. Но не в этот день! Александр Матвеевич и не собирался покидать свой царский пост. Рабочие, беспокоясь о нем, принесли несколько палок и простыню и натянули над царем археологов импровизированный навес. Скелет все это время не шевелился, и было непонятно, наблюдает он за людьми или спит, или уже совсем не оживет никогда. Но стоило Александру Матвеевичу

поднять пластиковую бутылку с водой и полить себе голову, как царь-скелет вскочил со своего ложа.

– Ух, ты! Как его вода возбудила! Ну, иди сюда, я тебе полью. Столько лет не пил, – вытянув перед собой бутылку, Александр Матвеевич наклонил ее и несколько капель упали в пыль.

Скелет вихрем подлетел к стене усыпальницы и подставил руку. Археолог снова наклонил бутылку, и тонкая струйка потекла вниз. Оторвавшись от горлышка, она серебряной стрелой полетела на старые кости. Скелет замер, одними глазницами следя за полетом воды. И вот она коснулась сжатых пальцев, просочилась между косточками суставов и протекла вниз. Царь тихо бормотал что-то, но, как только вода коснулась его, заголосил во все горло. Люди наверху вздрогнули. Волосы зашевелились на головах. А царь поднес руку к самому провалу носа и вдруг издал торжествующий крик.

– Что это его так разобрало... Бахром, что там с его рукой, видишь?

Все зависли над раскопом, но готовые в любую секунду дать деру. Только Александр Матвеевич, не вставая, подался вперед.

Бахром – рабочий из старых, давно копавших здесь – пригляделся и вдруг отшатнулся назад.

– Что? Что там? – голос начальника окатил его нарочито грозным басом.

– У него... у него мясо появилось...

– Какое мясо?..

Скелет, поняв, что люди испуганы, расхохотался и, отступив назад, вытянул костлявую руку вверх.

– Мии!⁷ – торжествуя, потребовал он.

Александр Матвеевич встал со своего возвышения и спустился к краю гробницы.

– Вот это да! Кисть-то, и правда, обросла мясом! Ущипните меня что ли! Как в это поверить?! – Александр Матвеевич покачал головой. – Нет, братец, воды ты больше не увидишь! Не хватало нам еще тебя во плоти! Потом и мир завоевать захочешь или еще чего.

Страх от не самых приятных последствий происходящего сжимал сердце не только рабочих, но и старого археолога, а любопытство ученого так и подмывало воскресить этот чудо-скелет и увидеть своими глазами человека четырех тысяч лет от роду.

Царь-скелет будто понял отказ, но еще попытался жестом показать, что надо лить воду на него. Получив ясное «нет» поворотами головы царя-самозванца, он погрозил кулаком и вернулся в свою каморку, но не улегся на ложе, а встал, подняв руки вверх и расставив ноги, и зазвучал голос! От него мурашки поползли по коже. Царь читал молитву или гимн богу, как можно было судить по торжественности его речи. Но понять, что именно он говорил, не было возможности.

⁷ Мии (mee (акк)) – вода

Слух выхватывал отдельные слоги, но что они значили?.. Когда еще вернется Сима?! Тут только по пустыне ехать тридцать километров, да до города, да еще найти кого-то... Эх, не получится расшифровать его речь! И записать нечем... Александр Матвеевич заерзал от досады. Что же делать?.. А царь-жрец завывал, закручивая руками воронку, и на глазах у всех солнце померкло! В полдень! Небо потемнело, откуда ни возьмись набежали тучи и... первые капли дождя плюхнулись в пыль. Жрец опустил руки и подставил лицо. Капли падали на лицевые кости, стекали к затылку, соскальзывали на грудину, ключицы, позвонки. На глазах изумленного археолога перед ним воскрешался человек. Рабочие разбежались. Но Александр Матвеевич стоял и смотрел на это чудо, забыв обо всем на свете.

Дождь поднял пыль, и в воздухе запахло особым образом, как бывает в пустыне после долгого сухого лета. Пахнет пылью, но уже ощущается свежесть воды – только самая малость. Дальше, когда тучи опрокинутся всем своим нутром, такого запаха уже не будет. Будет только влага и свежесть от нее. Но этого не произошло. Царь неожиданно смолк на высокой ноте, и стоял – полускелет, полутруп – дожидаясь, когда все его тело восстановится. Но боги отвернулись от жреца, или он забыл продолжение заклинания, но дождь стих так же внезапно, как и начался. С лоскутами кожи, с полумышцами и частями внутренностей, царь недоуменно осматривал себя и не мог поверить, в то, что видел. Одним

глазом он воззрился на человека, стоявшего на краю усыпальницы. На лице Александра Матвеевича не дрогнул ни один мускул. Жрец из прошлого прыжками вернулся к стене и попытался выпрыгнуть. Неведомая сила вернула его назад. Александр Матвеевич сокрушенно покачал головой.

– Что, брат, без мозгов не воскреснуть? Что-то ты забыл, не иначе!

Царь завыл, обхватив облезлую голову ладонями. Золотая полоска приподнялась. В сердцах недовоскресший сорвал ее и швырнул в человека. Александр Матвеевич поднял обруч, повертел, рассматривая.

– Тонкая работа. Не сомневайся, мы сохраним ее. А ты бы вернулся на свое ложе и уснул. Чего людей пугать?

Два человека разных времен, казалось, начали понимать друг друга. С понурой головой царь вернулся к себе и улегся на бок.

Александр Матвеевич обошел раскоп и присел в изголовье траурного ложа. Археолога мучил один вопрос, на который он мог получить ответ только от этого получеловека, пока он снова не стал прахом.

– Слушай, сделай доброе дело, – пожевав губы, издалека начал он, – скажи, у тебя были писари? – царь приподнялся на локте, посмотрел вверх. В его чертах читалось непонимание. Александр Матвеевич изобразил пишущего: – Это те, кто пишет, вот так, понял? Таблички! Дуппани⁸!

⁸ Дуппани (duppâni) – с шумерского – таблички, документы, расписки

Царь понял. Кивком указал на еще нетронутое рукой археологов возвышение рядом со своим ложем.

– Здесь?

Царь не ответил.

Солнце жарило весь оставшийся день. И весь день над пустыней раздавались вопли терзаемого им человека. Его кожа и вся остальная плоть высохали и рассыпались в прах прямо на глазах. Он умолял полить его, пытался снова и снова петь молитвы, но боги не слышали его, а люди оставались безучастными. Только собаки, сбжавшись со всех окрестных сел как по велению свыше, окружили гробницу и выли вместе с тем, кто так упорно хотел вернуться к жизни.

Сима вернулась к ночи. Когда свет фар показался вдали, Александр Матвеевич все еще сидел у гробницы.

– Привезла, – шепнула Сима, склоняясь к уху учителя.

– Кого?

– Переводчика – лингвиста не нашла, муллу, батюшку еще...

– А!..

Помолчали.

– Что он, снова умер?

– Не знаю. Завтра будет видно. Лежит уже часа четыре, не шевелится. Настродался, бедный... А переводчик какой?

– Сказал, разные языки знает.

– О! Ну так раньше надо было приезжать. Он нам тут столько всего наговорил... Забыл, правда, многое.

Александр Матвеевич тяжело вздохнул.

– Спать пойду. Мулла и батюшка пусть почитают тут. Не помешает. Собак не гнать! Сколько надо, столько пусть и сидят. Бахрому скажи, дежурить надо. Если что, меня будить сразу! Поняла?

– Угу.

– То-то же!

Ночь принесла прохладу. Было тихо. Воздух звенел от тишины! Только собаки изредка разрывали ее пронзительным воем, да два голоса пели на разные лады упокойные молитвы. К утру все стихли.

Еще заря только просыпалась, едва откинув сиреневое покрывало со своего жаркого тела, а Александр Матвеевич уже стоял у гробницы и вглядывался вниз. Чем светлее становилось небо, тем отчетливее белели кости раскопанного царя-жреца. Он лежал неподвижно, на правом боку, сложив руки перед собой и подтянув колени к груди. Нижняя челюсть сдвинулась, и выражение лица-черепа казалось ухмыляющимся.

– Да, задал ты нам трепку! Молчишь? Хорошо, если так.

Археолог спустился в раскоп. Постоял рядом с останками, думая о чем-то своем. Вскоре подошли рабочие, прибежала

заспанная Сима. Сторож подошел с собакой. Та легла у самого края, положив голову на мощные лапы и поглядывая то на старого археолога, то вниз – на скелет.

– Что делаем? Второй раскапываем? – зевая, Сима кивком указала на комнату рядом.

– Нет. Тут копать будем, – Александр Матвеевич также кивком указал на возвышение рядом с изголовьем царя. – А его сложи в кувшин. Там какой-то целый стоял.

– Скелет сложить?

– Скелет! – передразнил начальник. – Надеюсь, не выберется.

Сима посмотрела исподлобья.

– Кто не выберется?

Александр Матвеевич не спешил с ответом; осмотрелся вокруг; встретился взглядом с собакой. Матерый алабай⁹ поднял голову в ожидании: стоило только сказать что-нибудь и он сразу бросится исполнять.

– Машина где? – как бы невпопад спросил Александр Матвеевич.

– Там стоит. А что? Ехать куда?

– Да... может, съезжу в Мары¹⁰. А... переводчик вчера на чем уехал?

Сима пожала плечами, силясь вспомнить, был у них вчера переводчик или нет.

⁹ Алабай – туркменская овчарка

¹⁰ Мары – город в Туркменистане

– Не знаю, – ответила неопределенно.

Старый археолог искоса взглянул на смертное ложе царя. Скелет на месте. Обод его он сам вчера в свою хибару унес. Привиделось?.. Лучше не спрашивать про муллу и батюшку... но ведь всю ночь пели!

– Сима...

– А-а-а! – девушка отвечала, наклонив хум и всматриваясь внутрь: нет ли каких трещин. Ее голос прозвучал грозным эхом, напомнившим голос ожившего царя.

Александр Матвеевич вздрогнул.

– Не пугай! – шутя посетовал он. – А то придется муллу звать, отчитывать от испуга, – Сима хихикнула. – Чего смеешься? Был у нас тут мулла?

– Не-а, при мне не был.

Александр Матвеевич потер нос, подошел к возвышению у изголовья ложа; долго смотрел на пыльную поверхность. Потом пристроился рядом со скелетом и взялся за лопатку.

– Сима, ты этого побыстрее в кувшин переложи. Сейчас и переложи, не мешкай! И закрой хорошенько! Лежит тут, а то дождь еще пойдет...

Скелет за спиной недовольно хмыкнул.

Явление Нисабы

Сима спала, уютно свернувшись клубочком. Она витала в чертогах Морфея, но что-то извне мешало наслаждаться ночными фантазиями. Сима пошевелилась. Оставаясь на границе сна и яви, она почувствовала ломоту в боку; перевернулась на спину, но удобней не стало. Тогда она перекадилась на другой бок. В носу защекотало. Пыль?.. Сима не успела додумать, откуда в ее кровати столько пыли – она громко чихнула и села.

Глаза никак не желали открываться. Сима с силой сожмурилась и широко распахнула веки. Серое утро только-только проводило ночь, и уползающие хлопья тьмы волочились за ней, преследуемые нарастающим светом. Сима пошарила вокруг себя. Ладони трогали жесткую землю, покрытую пылью, песком и мелкими камешками. Присмотревшись, обескураженная женщина удостоверилась, что тактильные ощущения не врут: глаза тоже видят землю вместо кровати! Сон? Но все настолько реально, что трудно в это поверить.

– Саша, – имя мужа едва пробралось сквозь сухое горло. Сима покашляла и позвала громче: – Саша!

В тишине все более светлеющего утра слышалось птичье всхлипывание, совершенно не похожее ни на голос мужа, ни на его посапывание. Сима не на шутку встревожилась.

– Что это? Господи, что это такое?.. Саша, Саша, ты где? –

она перешла на шепот.

Сон, казалось, окончательно развеялся, но декорации не изменились. Нежная заря окрасила горизонт в размытый пурпур. Зашевелились потревоженные утренним ветром сухие кустики трав. Вся земля вокруг них была потрескавшейся. Такыр! Сима видела такую почву – и не раз! – в экспедициях, которые проходили в пустыне. Кривые разломы, смыкающиеся под разными углами, образовывали на сухой глине геометрические узоры. «Черт с ними, с узорами! Что происходит? Где я?» Разум Симы бунтовал, а сердце сжалось от страха. Она медленно поднялась, озираясь по сторонам.

Между тем из-за далекого горизонта выкатилось солнце. Посветлело. Сима юлой прокрутилась то в одну, то в другую сторону, ошарашено оглядывая окрестности. С другой стороны от солнца поблескивала лента реки, окантованная зеленью прибрежных зарослей. А совсем рядом, словно ниоткуда, выросла высокая стена. От нее донесся скрип раскрывающихся ворот, разноголосье людей и выючных животных, и в облаке пыли, поднявшейся над темным проемом, Сима увидела толпу. Издали люди походили на привидения: белые мешковатые одежды, легкая поступь. Сима потрогала свою рубашку. Светлая, с мелкими букетиками полевых цветов по всему полю ткани, она едва доходила ей до колен и к тому же была испачкана пылью, в которой Сима только что повалялась. Отчаянно хлопая себя по бокам, она принялась сбивать пыль. И вдруг встала столбом, бессильно опу-

стив руки.

– Что я делаю-то? Кому какое дело до того, чистая я или грязная? Я же в ночнушке! И... куда спрятаться-то? Эти люди идут прямо на меня!..

Сима припустилась к реке. Больше спрятаться негде. Оглядываясь, она увидела, что люди тоже повернули к реке, и едва не упала, припав на одну ногу. Острая боль пронзила ступню! Сима уселась и подцепила свою ногу, разворачивая голеностоп. Колочка торчала в самом нежном месте подошвы.

– Что ж делать-то, что делать?.. – причитала Сима, вытаскивая колючку и отчаянно пытаясь понять, что происходит.

А люди подходили все ближе. Уже четче различались голоса. Мужские падали короткими фразами, женские звучали наброском мелодии. Музыка речи нарастала, в нее вплеталось блеяние овец, приглушенный топот десятков ног и копыт. И вдруг резкий вопль осла раздался прямо над головой. Сима пригнулась, закрыв уши и боясь оглянуться. Просительный тон, толчок в спину. «Это ко мне». Она повернула голову. Освещенный сбоку, перед ней стоял босой парень в короткой рубашке. Волосы до плеч, в руке прут. Им он и ткнул скорчившуюся женщину. Ушастая голова осла маячила рядом. За ней виднелась другая – пожилого мужчины. Орел пышных волос, просвеченных пучками солнечных лучей, придавал ей вид божества. Но черты лица, едва различимые из-за света, быющего в глаза, показались Симе знакомы-

ми. Она торопливо встала и, не обращая внимания на парня, что-то спрашивающего у нее, подалась к тому мужчине. Осел переступил вбок, освобождая дорогу, свет изменился, и лицо того человека стало ясным, как на картине. Крупные черты, огромные глаза, седоватые волосы волнами прикрывают уши и шею, лоб открыт... «Это же... Это же...» – Сима едва не задохнулась, узнавая в незнакомце профессора археологии, который читал им лекции в университете. Но профессор еще лет десять тому назад был куда старше этого человека. И комплекция... он так похудел за это время?..

– Вы... это вы, Александр Матвеевич?.. – в вопросе прозвучала вся неуверенность и обескураженность, но была в нем и надежда. Ведь кто-то должен объяснить, что происходит!

– На каком языке ты говоришь, женщина? – глубокий голос, спокойный, но заинтересованный. Мужчина подошел к растрепанной незнакомке, беспорядочными движениями, поправляющей грязную рубаху из тонкой ткани. Такой необычной ткани, подобной которой не носят даже женщины-аристократки. – Кто ты? – он изучал Симу, вглядываясь в ее лицо, осматривая фигуру. Никаких украшений, волосы и кожа светлые, глаза небесные. Эта женщина не из простых. Но почему она одна, без слуг и сопровождения, и в пыли? Догадка осенила: – Тебя кто-то обидел?

Сима поняла, что мужчина заинтересовался ею. В его голосе прозвучало участие, от этого появилась надежда, но как

объясниться? Что это за язык, на котором он говорит?

– Я вас не понимаю, но прошу: помогите, пожалуйста! Я вообще ничего не понимаю, я спала, дома, проснулась здесь. Что это за место? Кто вы? – Сима тараторила, как сорока, но по выражению лица мужчины догадывалась, что зря! «Ну да, я же его тоже не понимаю», – внутренний монолог с самой собой шел параллельно ее сбивчивой речи, но остановиться Сима не могла.

Мужчина взял ее за руку. Он смотрел прямо в глаза. Ощущения человеческого тепла и взгляд – живой, настоящий! – окончательно развеяли надежду о страшном сне. Это реальность! Странная, непонятная ни уму, ни сердцу, но реальность! Сима расплакалась.

– Отвези ее в дом. Пусть женщины приведут ее в порядок, накормят.

Слуга склонил голову, а хозяин подвел незнакомку к ослу, жестом предлагая сесть на него. Сима поехала в город, который уже проснулся, а добрый мужчина один направился к реке.

Город ошарашил с первых шагов. Сима забыла о своей беде, только оказавшись за его стенами. Огромное озеро играло солнечными бликами. Женщины подходили к берегу и набирали воду в крутобокие и длиношейные кувшины, формой напоминающие фигуры своих хозяек. Черные волосы, скатанные валиком на затылке; металлические полос-

ки поперек лба; браслеты на запястьях; амулеты на длинных шнурах, опоясывающих тонкие талии – ожившие фигурки шумерских жриц, которые Сима видела на иллюстрациях в учебнике истории древнего мира! Мужчины тоже в рубахах, но покороче, почти, как у нее. Сима натянула подол на колени. Осел торопливо переставлял ноги, а слуга сердобольного господина односложно отвечал любопытным соседям, с интересом поглядывающим на странную женщину.

Сима вдруг осознала, что она оказалась в далеком прошлом. Звучит фантастически – в прошлом! Но это было именно так! Она узнала стены дворца за озером, сосуды, стоявшие у домов. Только в одном месте были найдены подобные – без ручек и с длинными носами! – в Маргуше¹¹! Разум отказывался верить в реальность, но глаза не обманешь, хоть сколько раз сожмуривайся и приглядывайся!

– Я в Маргуше! – вскрикнула Сима и, опомнившись, прикрыла рот ладонью.

Слуга обернулся. Сима глупо улыбнулась, а мысли поскакали, обгоняя друг друга: «Мама родная... я не на раскопках, а в самом городе-храме! – восторг ученого потеснил страх. – О! Надо узнать, как этот город называется. Как называется храм с кельями, что еще?.. – Сима вспоминала лекции профессора Колесниченко и фотографии в его книге. – Слепые окна, расколотые черепки у алтарей, киоск в царском

¹¹ Маргуш, Маргиана – древняя страна, в 2300—1500 гг до н.э. процветающая в дельте реки Мургаб в пустыне Кара-Кум

святилище... – Сима невольно обернулась в сторону дворца. Головы стражников торчали над башнями цитадели, а концы копий поблескивали начищенным металлом. – Кто ж меня туда пустит... – И тут пришло озарение: – А зачем я здесь? Да, зачем? Не знаю, какая сила сыграла со мной эту шутку, но ведь неспроста! Ведь я здесь для чего-то! Осталось понять, для чего и тогда... тогда я вернусь домой!» Сима вспотела от напряжения. Утерла лоб.

Осел, тем временем, остановился перед глухой стеной дома. Глиняная, беленая. Судя по размерам – дом не маленький. Значит, живет здесь не простой человек. Кто он, тот седовласый мужчина, похожий на Александра Матвеевича?

Слуга что-то крикнул. Сима превратилась в слух, пытаясь понять чужую речь, разобрать хоть какие-то слоги, звучание слов. Это важно – услышать музыку языка, как говорил Саша. Но пока ей это не удавалось. Отрывочные фразы не складывались в мелодию.

В открытом дверном проеме появилась молодая женщина. Лет двадцати, она напомнила Симе ту, профиль которой был изображен на сохранившейся детали мозаики из царского погребения: крупный нос с горбинкой, огромные подведенные глаза, пухлые губки. Красавица! Кто она? Жена того господина или служанка? Сима решила, что жена. На женщине позвякивали браслеты, бусы из сердолика украшали тонкую шею, в волосах виднелась головка заколки. Сима пригляделась: скорее всего – серебряная, какое-то живот-

ное... джейран?

Слуга что-то сказал. Женщина изменилась в лице. Подошла вплотную. Что-то спросила.

– Я не понимаю, – Сима доброжелательно улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. – Меня зовут Сима, – помолчав, она подождала от хозяйки дома какого-то ответа, но та тоже молчала и в упор разглядывала ее. – Си-ма, – повторила Сима по слогам.

«Мозаичная красавица» кивнула и, гордо приподняв подбородок, промолвила пару слогов. Сима уловила первый: «ше». А дальше то ли «ру», то ли «роу». И вдруг ее осенило:

– Шеру! Шеру... в аккадском было похожее слово... это... это... заря, кажется.

Шеру не поняла радости странной гостьи, невесть откуда оказавшейся на пути ее господина ранним утром, но, выполняя его волю, она провела незнакомку в дом и помогла ей привести себя в должный вид.

В медном тазу маняще покачивалась вода. Шеру жестом пригласила умыться. Две служанки попытались стащить с гостьи грязную рубашку. Настойчиво отбиваясь от них, Сима убедила, что сделает это сама. Но все ее попытки выдворить любопытных за пределы комнаты не увенчались успехом. Как она ни настаивала, женщины не пожелали выйти во время ее омовения, а с неподдельным любопытством разглядывали ее и тихо переговаривались между собой. «Хорошо, что я перед сном нацепила рубашку, а не пижаму! Вот

тогда у них глаза точно повылазили бы!» – Сима чувствовала себя неловко и злилась. Но женщины, казалось, не замечали этого. Как только она умылась, Шеру подала ей длинную салфетку. От ткани исходил запах свежести и тонкий аромат трав. А плотная полотняная рубаша так приятно скользнула по телу, что Сима улыбнулась от удовольствия. Жгут, скрученный из разноцветных ниток, опоясал талию, костяной гребень пригладил мокрые волосы. Длина волос удивила женщин не меньше, чем полосатое тело гостьи: бронзовое и белое на местах, сокрытых от солнца во время загара. Волосы же вызвали неодобрение.

– Да, да, короткие, жидкие, ну, это если с вашими сравнивать, а так у меня очень даже неплохие волосы, – оправдывалась Сима на осуждающие покачивания своих няnek, у которых густые волнистые волосы непонятно каким чудом держались на затылке или свисали до самых ног, скрученные в жгут.

Заколка, которую Шеру приготовила для чужестранки, не понадобилась. Бронзовой полоски на лоб оказалось достаточно, чтобы присмирить прямое «каре» до плеч.

Круглое зеркальце из бронзы было извлечено Шеру из каменной шкатулки с разными женскими штучками и подано гостье.

– Спасибо! – принаравливаясь то так, то эдак, Сима пыталась разглядеть себя внимательней, но только смутные очертания лица и части фигуры отражались в начищенном

до блеска металлу. – Эх, фотоаппарат бы! Где еще так принарядишься в духе жительницы бронзового века!

Абсурдность ситуации снова взволновала. Все хорошо, сейчас все кажется безопасным, относительно – ведь она не знает, кто тот человек, почему отправил ее в свой дом и что у него на уме! Но ей надо как можно быстрее понять, почему она оказалась во втором тысячелетии до рождения Христа именно в этом месте – в священном городе страны Маргуш!

Сима отдала зеркало и к недоумению женщин выбежала во двор. Несколько слуг сновали по нему, выполняя какую-то домашнюю работу. Сима не стала сосредотачиваться на быте. Ей надлежало узнать более важные вещи, как она считала, но для этого надо было выйти в город или хотя бы поговорить с хозяином дома. Поговорить... Как это сделать?!

Сима подошла к выходу из дома и выглянула наружу. Прямо перед ней возвышалась стена цитадели. Посмотрев влево, Сима увидела угловую башню. «Так, это один из углов стены, большое озеро было там, мы проходили его, значит, – рассуждала Сима, вспоминая схему городища, представленную на одной из лекций профессором Колесниченко, – это юго-восточный угол! – шальная мысль подогрела нарастающий азарт: «А не пойти ли посмотреть хотя бы Храм Огня?.. Он должен быть где-то там». Сима вышла из дверного проема и всмотрелась вдаль.

Неожиданно теплая ладонь прикоснулась к обнаженному плечу. Сима вскрикнула и обернулась. Перед ней стоял хозяин дома. Он был серьезен. В глазах – вопрос.

– Я только посмотреть, – проговорила Сима и попятилась назад, за надежные стены.

Навстречу господину вышла Шеру. Хозяин отчитал ее. Сима поняла это по его тону и обжигающему взгляду, которым Шеру одарила непоседливую гостью. Оправдываться не было нужды. Всем не угодишь! Главное, чтобы ее не заперли где-нибудь. А потому надо вести себя тихо.

Сима присела на завалинке в тени. Дом оказался большим, насколько Сима могла судить по длине его стен и просторному внутреннему двору. Поверхность двора была гладкой и тщательно выметенной и политой. «Как утоптали! – подумала Сима. – Интересно, специально или так получилось?» Глупые мысли... Просто сидеть было не вмоготу. Сима ощущала потребность в действии, но что делать? Ни посмотреть город, ни поговорить с жителями не получается. Приметив сухую веточку, Сима подняла ее, повертела и начертила на глине палочку. Так, размышляя о том, как быть дальше, она написала свое имя, нарисовала рядом цветочек.

От очага в другом конце двора повеяло готовым мясом. Сима только сглотнула, как во двор вышли хозяин дома и Шеру. Женщина отводила взгляд, а мужчина улыбнулся и жестом предложил последовать за ними. Сима встала, но тут взгляд хозяина упал на ее автограф.

– Это сделала ты? – удивление стерло доброжелательную улыбку на лице господина. – Поистине необычная женщина! Ты владеешь писцовым искусством? Кто же ты?

Сима растеряно пожала плечами. И тут ее осенило! Она присела на корточки и начертила квадрат, потом вокруг него еще один, потом обвела их окружностью. С одной стороны обозначила ворота, а внутри большего квадрата изобразила сложную фигуру.

– Это ваш город, – показала она, – это ваш дом. Понятно?

Мужчина кивнул. Сима начертила небольшой квадрат внутри самого первого.

– Что это?

Пока хозяин собирался с мыслями, она на память расчертила изображенный храм с кельями множеством полосок.

– Леф, – позвала Шеру, – мясо стынет...

Сима перебила ее:

– Леф! Вас зовут Леф! Я – Сима! Очень приятно! Мне нужно побывать здесь, – она несколько раз ткнула в храм.

– Дом Спящих Богов? Ты бывала во дворце? – Леф озадачился не на шутку.

А Сима тем временем нарисовала Храм Огня, Песчаную башню. Леф присел рядом. Он пытался жестами объяснить свой вопрос, а Сима утвердительно кивала, давая понять, что ей надо попасть в эти места. Шеру внесла ясность в этот разговор: она проявила настойчивость и подняла своего господина, напомнив о готовом обеде.

День стремительно шел на убыль, а Сима так и не вышла в город. Но мысли о нем отошли на второй план, как только она попала в комнату, которую в ее мире назвали бы кабинетом. После обеда Леф пригласил свою гостью в святая святых – туда, куда даже Шеру заходила только, чтобы прибраться. В этой комнате Леф хранил свои чертежи и записи. На глиняных табличках разной величины были нанесены почти все здания и сооружения, которые он создал. Сима так и поняла: Леф и есть архитектор столицы Маргуша – города, который будущие археологи назовут Гонур-депе¹², а его жители именуют Святылищем Всех Богов. Сима скользнула пальчиками по сокровищам, которые так упорно искали археологи. Ведь наличие письменности придало бы Маргушу твердый статус мировой цивилизации. Но за сорок лет раскопок не было найдено ничего, хоть отдаленно напоминающее записи или чертежи. И вот, они перед ней!

С душевным трепетом Сима взяла одну табличку. Размером с две ладони, она оказалась довольно-таки увесистой. На застывшем куске глины ровными столбиками были процарапаны значки из палочек, так напоминающие шумерскую клинопись. Сима старалась запомнить хоть строчку, чтобы потом воспроизвести и расшифровать – она не сомневалась, что именно для этой цели она оказалась здесь!

¹² Гонур-депе – городище «Серый холм» (с туркменского) найдено археологом Сарианиди В. И. в 1972 году

Леф с интересом наблюдал за гостьей. Еще утром, когда он увидел растерянную женщину на дороге, он понял, что она не из простых. Когда же она начертала неизвестные ему письма во дворе его дома, а за обедом отказалась от мяса, но с аппетитом вкушала фрукты и ячменный суп, он окончательно уверовал в свои предположения. Удивляло лишь то, почему она не говорит на их языке. Но ее сообразительности хватило, чтобы они поняли друг друга, и Леф выполнил ее желание – показал свои труды, бережно хранимые в его библиотеке. Но что дальше? Зачем она явилась к нему? Что она хочет от него? Леф не торопил события. Она даст понять, чего желает!

Сима рассматривала таблички одну за другой. Голова шла кругом от лавины информации, но ученый до мозга костей, Сима упорно перебирала таблички, подолгу изучая каждую – что-нибудь да запомнится!

Когда слуги принесли светильники, Сима с ужасом осознала, что день закончился, а она все еще здесь. И тогда в голову пришла отчаянная мысль! «Стащу хоть одну табличку и убегу!» Нет, нельзя! Кто поверит, что она с Маргуша, если просто так взять и принести ее в институт археологии?! Никто! Что тогда? Остается одно: закопать таблички в таком месте, где они пролежат в целости и сохранности почти пять тысяч лет, а потом она, Сима, покажет это место. Да! Это именно то, что надо сделать! Но как? Надо чем-то копать. Да и вынести таблички не дадут. Вон, сам хозяин на минуточ-

ку не оставляет. Сидит на своем стуле и буравит взглядом. Остается одно: убедить его самого сделать это!

– Леф, я бы вам столько рассказала, если бы мы понимали друг друга, – издалека начала Сима, но осеклась. – Если бы... мда.

Она взяла две таблички – одну с чертежом, другую с колонками клинописи. Потрясла ими перед архитектором.

– Это – очень ценные артефакты! Их надо спрятать, понимаете?

Леф не понимал. Он ждал действий. И Сима не обманула его ожиданий. Она присела и, как собака, принялась шаркать по полу пальцами, не спуская с архитектора вопросительного взгляда. Потом положила таблички и изобразила закапывание.

– Понимаете?

Закопать чертеж Башни Связи Небес и Земли вместе с записями наблюдений за разливом Мургаба? Этого она хочет? Леф кивнул в ответ, хотя не понял, зачем это все.

Сима обрадовалась.

– Идемте!

Она взяла еще несколько табличек и нырнула в дверной проем. Леф последовал за ней.

– Возьмите какую-нибудь ткань и... тот ларец, который у Шеру! Не понял. Ладно. Сима подошла к Шеру, как верный пес, ожидающей своего господина во дворе.

– Дай ткань, – прижав таблички к животу, свободной ру-

кой Сима потеряла свою рубаху. Шеру поняла ее по-своему. Она принесла уже выстиранную и высушенную рубашку Симы. – Ладно, и это сойдет. Вот удивятся наши, когда откопают мою ночнушку! – Сима хихикнула. Шеру выпучила глаза. – Не обращай внимания, это нервное. А, все равно ничего не понимаешь.

Сима завернула таблички в свою рубашку и пошла в угол двора. Слуга осветил его факелом.

– Здесь ройте!

Леф выполнил все, что потребовала женщина. Таблички положили в каменную шкатулку Шеру, хоть она и не хотела отдавать ее. Шкатулку бережно опустили в яму и закопали. Сима сама утрамбовала землю.

– Все. Получилось почти напротив юго-восточной башни цитадели. Думаю, найду. На плане городища этот дом обозначен. Стены сохранились! Леф, вы даже не представляете, ваш дом и все, что вы создали в этом городе, сохранилось! И это несмотря на то, что и дома, и храмы, и даже Песчаные башни построены из глины! Это ли не фантастика?!

Архитектор видел, что гостья довольна, и это радовало его. Значит, он сделал то, зачем она пришла в его дом. Значит, он может надеяться на благо, которым она может одарить его. Любуясь горящими глазами Симы, он сдержанно поклонился. Сима прослезилась.

Гостью уложили спать в отдельной комнате, которую

украшили букетами спелых колосьев пшеницы. В больших чашах поставили груши и яблоки, рядом с ними – изящные сосуды с хаомой. Ложе устелили самыми мягкими циновками и шерстяными одеялами, сверху покрытыми новыми льняными тканями. Леф приказал слуге охранять госпожу всю ночь. И тот лег у порога, свернувшись калачиком.

Как ни тревожилась Сима, но мягкая постель, мерный стрекот цикад успокоили ее, и сон окутал все мысли тягучим туманом. Но как только первая птаха подала голос, мысли снова заворочались в голове и Сима проснулась. Она лежала, не открывая глаз, и прислушивалась: где-то стукнула дверь, собаки потявкали, машина прошаркала по мостовой, Саша всхрапнул... Саша?..

– Саша! – Сима вскочила на четвереньки и развернула мужа на спину, нависнув над ним, как горгулья.

– Что такое? Что случилось? – Саша хлопал ресницами, усиленно пытаясь преодолеть преграду, разделяющую сон и явь.

– Саша! Саша! – Сима упала ему на грудь и, всхлипывая, зашептала на ухо: – Где я была, Саша, как мне было страшно, я так боялась, что больше никогда не увижу не тебя...

Гостья исчезла так же, как и появилась – тихо и без предупреждения. Леф не удивился. А Шеру побледнела, когда услышала, кому она так неохотно прислуживала.

– Почему ты мне не сказал? – огромные глаза Шеру наполнились слезами, как озера Маргуша в половодье. – Теперь мне не вымолить прощение...

Шеру убежала. Сидя рядом с завалинкой, на которой еще вчера отдыхала богиня, Леф с благоговением рассматривал письма, оставленные ею. Слуга подал еще сырую табличку. Острой палочкой Леф перенес на нее каждый значок записи и рисунок раскрывшегося тюльпана – одного из символов богини Нисабы¹³

¹³ Нисаба – в шумерской мифологии богиня урожая, позднее – богиня писцового искусства, чисел, науки, архитектуры, астрономии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.